Обер-прокуроры
св. синода
в XVIII и XIX стол.

E 96/752

2007057318

Е 96
0 752
Е 96
0 752

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРЫ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

ВЪ XVIII-МЪ И ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

I.

Удовлетворяя запросамъ времени, вызваннымъ естественнымъ ходомъ развитія русской народной и государственной жизни, и вполнѣ раздѣляя стремленія лучшей передовой части современнаго общества, преобразователь Россіи — Петръ I, принадлежавшій къ той же передовой общественной группѣ, въ своей реформаторской дѣятельности не оставилъ незатронутой ни одной изъ разнообразныхъ сторонъ нашей государственной жизни [1]). Разсматривая съ обще-государственной точки зрѣнія религіозную жизнь своихъ подданныхъ, онъ внесъ извѣстныя преобразованія и въ систему церковнаго управленія.

Личное начало, лежавшее въ основѣ старой центральной московской администраціи, еще задолго до Петра, подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей развивавшагося государственнаго организма, уже стало постепенно замѣняться коллегіальнымъ, и учрежденіе коллегій, вмѣсто прежней системы приказовъ, было лишь окончательнымъ завершеніемъ ранѣе начавшагося процесса постепеннаго преобразованія высшей центральной администраціи [2]). И только въ одной области

[1]) См. мою статью: «Характеръ преобразовательной дѣятельности Петра I». Историческій Вѣстникъ. 1895 г. т. LXI, стр. 81.

[2]) Тамъ же, стр. 98—102.

церковной жизни, отличавшейся наибольшею устойчивостью и консерватизмомъ, въ московскій періодъ еще довольно прочно сохранялось начало личнаго управленія [1]). Но общій ходъ преобразованій во всѣхъ частяхъ сложнаго государственнаго механизма, а также и особыя личныя и политическія соображенія побудили Петра ввести коллегіальныя начала и въ сферу высшаго церковнаго управленія.

Государственная идея, настойчиво проводившаяся Петромъ въ его реформаторской дѣятельности, заставляла преобразователя смотрѣть на духовныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ церковнаго управленія, какъ на особыхъ государственныхъ чиновниковъ, выполнявшихъ свою спеціальную миссію. Такая политическая точка зрѣнія на высшую церковную власть должна

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ литературѣ высказывались мнѣнія, ставившія и произведенную Петромъ замѣну патріаршества св. Синодомъ въ такую же органическую связь съ естественнымъ ходомъ развитія церковной жизни предшествовавшаго времени, въ какой находились реформы центральной администраціи съ постепеннымъ преобразованіемъ московской приказной системы. «Перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ», читаемъ напр. въ статьѣ «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи», напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1891 г. (апрѣль, стр. 4), «была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько, совершеннымъ по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей: Петръ I й только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; геніальный государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи». Но авторъ статьи далеко неубѣдительно доказываетъ справедливость высказаннаго мнѣнія, и мы, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ положительныхъ данныхъ, не чувствуемъ за собою права утверждать, что замѣной патріаршества св. Синодомъ «Петръ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества». (Подробный разборъ воззрѣній автора отмѣченной статьи встрѣчается въ изслѣдованіи Барсова «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ». стр. 209—259).

была повести за собою превращеніе послѣдней въ новое учрежденіе, поставленное въ непосредственную зависимость отъ верховной власти и тѣсно связанное съ общей системой государственной администраціи.

Подобнымъ взглядомъ Петра на необходимость введенія церковнаго управленія въ общую систему администраціи, съ обязательнымъ подчиненіемъ церкви волѣ самодержавнаго государя, всего болѣе отвѣчала коллегіальная форма правленія, такъ какъ, по мысли преобразователя, выраженной въ Духовномъ Регламентѣ его единомышленникомъ и истолкователемъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [1]), личное начало, лежавшее въ основѣ церковной администраціи, представляло собою большія неудобства, а иногда даже могло быть и чрезвычайно опаснымъ для государственныхъ интересовъ. Простой народъ, по словамъ Регламента [2]), настолько неразвитъ въ политическомъ отношеніи, что не понимаетъ различія между властью духовной и самодержавной и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ величайшихъ почестей, оказываемыхъ единоличному правителю церкви, воображаетъ, что послѣдній — второй государь, равный самодержцу или даже стоящій выше его. Не трудно понять, къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ можетъ повести такое положеніе дѣлъ, когда возникнутъ какія-либо недоразумѣнія между самодержавнымъ государемъ и единоличнымъ правителемъ церкви, такъ какъ сочувствіе народа легко можетъ оказаться на сторонѣ духовнаго, а не мірского правителя. Тогда ничто не будетъ гарантировать государство отъ опасныхъ бунтовъ и народныхъ волненій; простой народъ, фанатично настроенный въ пользу церкви и ея представителей, будетъ воображать, что, вступаясь за интересы духовнаго владыки, онъ ведетъ борьбу противъ правительства во имя самого Бога и

[1]) Полное Собраніе Законовъ. Томъ VI, № 3,718.

[2]) Тамъ же, часть I, п. 7.

не только не оскверняетъ своихъ рукъ, но даже освящаетъ ихъ кровью сторонниковъ мірского государя.

Единственнымъ выходомъ изъ такого нежелательнаго и небезопаснаго положенія, создаваемаго существованіемъ единоличнаго правителя церкви, было внесеніе коллегіальныхъ началъ въ сферу высшаго церковнаго управленія. Съ организаціей коллегіальнаго церковнаго управленія на общегосударственныхъ началахъ преобразователь получалъ достаточно основаній разсчитывать, что простой народъ теперь уже будетъ лишенъ возможности, подъ видомъ церковной ревности, оказывать сопротивленіе мірскому правителю, такъ какъ увидитъ, что коллегіальное или соборное церковное правительство установлено верховною властью и, слѣдовательно, наравнѣ со всѣми другими государственными учрежденіями находится въ одинаковой зависимости отъ воли самодержавнаго монарха.

Къ политическимъ соображеніямъ Петра, видѣвшаго большія неудобства и даже значительныя опасности для государственныхъ интересовъ въ сосредоточеніи высшей церковной власти въ рукахъ одного лица, присоединялось еще и стремленіе преобразователя уничтожить тѣ многочисленные и разнообразные безпорядки, какіе онъ замѣчалъ въ духовномъ вѣдомствѣ при господствѣ личнаго начала въ сферѣ церковнаго управленія. Средство къ устраненію всевозможныхъ безпорядковъ въ разнообразныхъ отрасляхъ государственной жизни было уже найдено реформаторомъ; оно заключалось въ послѣдовательномъ проведеніи въ государственное устройство коллегіальныхъ началъ, способныхъ, по мысли преобразователя, уничтожить не только личный произволъ, царившій въ прежнее время въ различныхъ вѣдомствахъ, но и безпорядочное, хаотическое состояніе старой администраціи. Примѣненіе найденнаго и уже испытаннаго средства къ духовному вѣдомству и обусловливало собою организацію высшаго церковнаго управленія на новыхъ коллегіальныхъ началахъ, въ формѣ духовной коллегіи или святѣйшаго Синода.

Но, если съ введеніемъ коллегіальныхъ началъ въ сферу церковнаго управленія и съ замѣною древняго патріаршества св. Синодомъ Петръ имѣлъ основанія считать государство вполнѣ обезпеченнымъ отъ нежелательныхъ и опасныхъ явленій, побудившихъ его рѣшиться на крупную церковную реформу, то его надежды на уничтоженіе безпорядковъ въ духовномъ вѣдомствѣ отъ коллегіальной формы правленія далеко еще не оправдались въ дѣйствительности. Какъ ни велики были въ глазахъ преобразователя преимущества коллегіальной формы правленія предъ старой системой администраціи, все же одни они признавались Петромъ недостаточными для доведенія организаціи государственнаго управленія до полнаго и желательнаго совершенства.

„Велико было довѣріе Петра къ коллегіальной формѣ“, справедливо замѣтилъ Градовскій въ своемъ изслѣдованіи „Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры“ [1]), но еще больше было недовѣріе его къ членамъ коллегій“. Не говоря уже о строгомъ надзорѣ за дѣятельностью членовъ вновь открытыхъ коллегій, порученномъ Высочайшимъ указомъ отъ 2 іюня 1718 года генералъ-майору Ягужинскому [2]), не былъ оставленъ безъ контроля и самый Сенатъ, который, по идеѣ преобразователя, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе всѣмъ государствомъ. „Сенатъ“, по словамъ Петровскаго, спеціально занимавшагося изслѣдованіемъ вопроса объ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи въ царствованіе Петра [3]), „не всегда удовлетворялъ государя своею дѣятельностью. Петру нерѣдко приходилось упрекать Сенатъ въ старыхъ приказныхъ привычкахъ: нерѣшительности, невниманіи къ его ука-

---

[1]) Стр. 108.

[2]) П. С. З. т. V, № 3,205.

[3]) «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», стр. 158.

замъ, въ исполненіи дѣла только на бумагѣ, въ медленности, въ недостаточномъ понужденіи къ исполненію сенатскихъ указовъ со стороны подчиненныхъ мѣстъ и лицъ... Къ этому старому недугу присоединилось еще и другое старое же зло — взяточничество и казнокрадство..., къ которому, къ сожалѣнію, причастенъ былъ и Сенатъ". При такомъ личномъ составѣ высшаго коллегіальнаго правительственнаго учрежденія, располагавшаго правомъ окончательнаго рѣшенія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, Петръ чувствовалъ настоятельную необходимость въ учрежденіи особаго, спеціальнаго надзора за дѣятельностью Сената, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что простою перемѣной наличнаго персонала Сената невозможно совершенно уничтожить замѣчаемыхъ въ немъ многочисленныхъ безпорядковъ. Контроль же надъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, организованнымъ на коллегіальныхъ началахъ, настойчиво проводимыхъ реформаторомъ во всѣ сферы государственной жизни, преобразователь нашелъ въ старомъ личномъ началѣ, установившемъ извѣстную связь между коллегіальными учрежденіями и верховною властью.

Въ первое время въ роли представителя стараго личнаго начала и контролера надъ дѣятельностью высшаго коллегіальнаго учрежденія выступилъ особый генералъ-ревизоръ, обязанный присутствовать на засѣданіяхъ Сената, вести протоколы, наблюдать за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ указовъ во всемъ государствѣ, побуждать самый Сенатъ къ наказанію виновныхъ въ несвоевременномъ исполненіи правительственныхъ распоряженій и доносить государю о случаяхъ незаконнаго отношенія сенаторовъ къ виновнымъ [1]). Первый опытъ правильно организованнаго личнаго надзора надъ высшимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ оказался довольно неудачнымъ, но ничтож-

---

[1]) П. С. З. т. V, № 2,957.

ные практическіе результаты дѣятельности генералъ-ревизора не разубѣдили Петра въ цѣлесообразности соединенія въ одно цѣлое личнаго и коллегіальнаго началъ, а только заставили его произвести перемѣны въ организаціи личнаго надзора за дѣятельностью Сената.

13-го февраля 1720 года въ положеніе генералъ-ревизора былъ поставленъ оберъ-секретарь Сената, получившій право наблюдать за правильностью и законностью дѣйствій сенаторовъ и непосредственно доносить государю о всѣхъ, хотя бы самыхъ малѣйшихъ, случаяхъ нарушенія Сенатомъ Высочайшихъ указовъ, опредѣлявшихъ характеръ его правительственной дѣятельности [1]).

Не трудно представить себѣ, въ какое неестественное и двусмысленное положеніе былъ поставленъ Петромъ новый органъ надзора за дѣятельностью высшаго государственнаго учрежденія. Надѣленный довольно широкими полномочіями, дававшими ему право наблюдать за ходомъ сенатскихъ дѣлъ, протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій сенаторовъ и лично доносить о нихъ представителю самодержавной власти, оберъ-секретарь въ то же время, по самому характеру своей должности, оставался лицомъ, несвободнымъ отъ подчиненныхъ отношеній къ Сенату. Неудивительно, что оберъ-секретарь, находившійся въ извѣстной зависимости отъ Сената и, слѣдовательно, имѣвшій нѣкоторыя основанія опасаться возстановлять его противъ себя, въ скоромъ же времени успѣлъ доказать Петру всю непрактичность и безполезность его новой мѣры. Мысль о совмѣщеніи прокуратуры съ обязанностями секретаря была оставлена преобразователемъ, какъ крайне неудачная въ практическомъ отношеніи, и роль надзирателей за высшимъ государственнымъ учрежденіемъ передана лицамъ, ненаходившимся уже въ непосредственной зависимости отъ Сената.

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,519.

Прокурорскія обязанности, такъ неудачно возложенныя на оберъ-секретаря, временно были поручены штабъ-офицерамъ гвардіи, выполнявшимъ въ Сенатѣ свою новую должность помѣсячно и поочередно [1]). Но, безъ сомнѣнія, трудно было ожидать какихъ-либо полезныхъ практическихъ результатовъ и отъ временныхъ порученій обязанностей контролеровъ и надзирателей различнымъ лицамъ, совершенно незнакомымъ съ сенатскими дѣлами и, по недостатку времени, не имѣвшимъ даже возможности основательно ознакомиться съ ними.

Цѣлый рядъ практически неудачныхъ опытовъ примѣненія личнаго начала къ коллегіальному устройству высшаго государственнаго учрежденія въ 1722 году закончился, наконецъ, введеніемъ болѣе прочнаго и совершеннаго института прокуратуры, когда надзоръ за дѣятельностью Сената былъ порученъ особому генералъ-прокурору, надѣленному самыми широкими полномочіями. По идеѣ, положенной въ основу организаціи прокуратуры, Петръ, создавая новую должность генералъ-прокурора и надѣляя его обширными правами, не задавался цѣлью понизить значеніе Сената и отнять у своего любимаго учрежденія часть предоставленной ему власти, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, что преобразователь, вызывая къ жизни новое систематическое учрежденіе прокуратуры, построенное на старыхъ личныхъ началахъ, хотѣлъ тѣмъ самымъ принести свое же собственное коллегіальное устройство Россіи въ жертву прежнему личному управленію. Онъ думалъ не объ искаженіи своего высшаго государственнаго учрежденія, а объ его улучшеніи, и стремился не къ превращенію Сената въ безжизненное коллегіальное учрежденіе, лишенное самостоятельности и подчиненное представителю личнаго управленія, а къ образованію непосред-

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,721.

ственной связи между Сенатомъ и верховною властью. Являясь личнымъ органомъ, устанавливавшимъ живую связь между Сенатомъ и верховною властью, генералъ-прокуроръ, по мысли реформатора, долженъ былъ доставлять государю легкую возможность всегда имѣть самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ высшее коллегіальное учрежденіе выполняетъ порученное ему дѣло управленія государствомъ; воплощая въ себѣ личное начало, высшій представитель прокуратуры долженъ былъ играть роль не какого-либо совершенно особаго, отдѣльнаго института, дѣйствующаго подавляющимъ образомъ на самостоятельность Сената, а только лишь своеобразнаго дополненія къ коллегіально организованному Сенату. Своеобразное же дополненіе къ коллегіальной организаціи управленія было сдѣлано преобразователемъ съ тою цѣлью, чтобы введеніемъ въ высшее государственное учрежденіе органа личнаго управленія уничтожить разнообразные несовершенства и недостатки, замѣчавшіеся въ дѣятельности Сената.

Такой взглядъ на цѣли и задачи, преслѣдовавшіяся Петромъ при введеніи стараго личнаго начала въ новую коллегіальную систему государственнаго управленія, и на ту роль, какую долженъ былъ играть въ Сенатѣ генералъ-прокуроръ, вполнѣ подтверждается Высочайшими указами отъ 27 апрѣля 1722 года „о должности Сената“ [1]) и генералъ-прокурора [2]). Сдѣланный непосредственнымъ начальникомъ сенатской канцеляріи [3]), генералъ-прокуроръ, въ силу Высочайшей инструкціи отъ 27 апрѣля 1722 года, долженъ былъ внимательно наблюдать за ходомъ сенатскаго дѣлопроизводства, слѣдить за предписываемою регламентами и законами быстротою въ разсматриваніи и рѣшеніи дѣлъ и заботиться о томъ, чтобы правиль-

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,978.

[2]) П. С. З. т. VI, № 3,979.

[3]) Тамъ же, п. 5.

ность и законность въ дѣятельности Сената не ограничивались только предѣлами одной канцеляріи, а и проникали бы въ самую жизнь [1]). Названный „окомъ“ представителя верховной власти [2]), генералъ-прокуроръ былъ обязанъ „накрѣпко“ смотрѣть, чтобы Сенатъ въ своей правительственной дѣятельности всегда руководился существующими законами и ни въ чемъ не отступалъ отъ дѣйствительнаго смысла Высочайшихъ указовъ; въ случаяхъ неправильнаго пониманія Сенатомъ дѣйствующихъ законовъ, онъ долженъ былъ разъяснить ему ихъ настоящій смыслъ и значеніе и требовать измѣненія незаконнаго постановленія, при непослушаніи же сенаторовъ генералъ-прокуроръ располагалъ правомъ заявить свой протестъ, пріостановить дальнѣйшее производство начатаго дѣла и немедленно донести государю о происшедшемъ [3]). Не ограничиваясь простою, скромной и пассивной ролью „государева ока“, т. е. лишеннаго собственной иниціативы наблюдателя за правильностью канцелярскаго дѣлопроизводства и законностью дѣятельности Сената, генералъ-прокуроръ, сдѣланный „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ [4]), въ силу данной ему Высочайшей инструкціи, имѣлъ возможность предлагать Сенату обсужденіе такихъ вопросовъ, на которые, по его мнѣнію, не существовало достаточно ясныхъ отвѣтовъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ [5]), и принимать въ немъ живое, непосредственное участіе, такъ какъ, по самому положенію „стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“, онъ былъ прямо обязанъ заботиться о направленіи законодательной дѣятельности Сената въ интересахъ государства, какъ ихъ понималъ самъ генералъ-прокуроръ.

---

[1]) Тамъ же, п. 1.

[2]) Тамъ же, п. 11.

[3]) Тамъ же, п. 2.

[4]) Тамъ же, п. 11.

[5]) Тамъ же, п. 10.

Наученный неудачнымъ опытомъ вручения надзора за дѣятельностью высшаго государственнаго учреждения его же собственному оберъ-секретарю, находившемуся, по самому характеру подобной должности, въ извѣстной зависимости отъ Сената, Петръ поставилъ генералъ-прокурора въ совершенно самостоятельное положеніе, подчинивъ его суду одной только верховной власти [1]). Но, надѣляя генералъ-прокурора такими обширными правами и, въ интересахъ порученнаго ему дѣла, совершенно освобождая его отъ вліянія высшаго государственнаго учрежденія, преобразователь не имѣлъ никакого намѣренія принести коллегіальныя начала, положенныя въ основу организаціи Сената, въ жертву личному началу, воплощенному въ должности генералъ-прокурора; это не трудно видѣть изъ того же 9-го пункта именного указа о должности генералъ-прокурора, гдѣ, за отсутствіемъ государя, въ случаѣ какого-либо тяжелаго преступленія генералъ-прокурора, Сенату предоставляется право арестовать своего прокурора и произвести разслѣдованіе дѣла объ его преступленіи, не подвергая однакоже виновнаго никакимъ наказаніямъ и пыткамъ, а самыя обязанности прокурорскаго надзора поручить другому лицу. По первоначальному же плану организаціи прокуратуры, преобразователь имѣлъ намѣреніе надѣлить Сенатъ правомъ выбора генералъ-прокурора и представленія его на Высочайшее утвержденіе не только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, но даже и при обыкновенномъ, нормальномъ положеніи дѣлъ [2]). Правда, послѣднее намѣреніе Петра не было осуществлено въ практической жизни, такъ какъ Сенатъ, насколько извѣстно, не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ, и генералъ-прокуроры избирались и назначались самимъ государемъ, но во всякомъ случаѣ са-

---

[1]) Тамъ же, п. 9.

[2]) П. С. З. т. VI, № 3,877, п. 4 и 5.

мый фактъ подобнаго распоряженія говоритъ за то, что реформаторъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о сильномъ развитіи единоличной власти генералъ-прокуроровъ въ ущербъ правамъ коллегіально организованнаго Сената.

Знакомство съ организаціей прокуратуры въ сферѣ гражданскаго управленія имѣетъ для насъ очень важное значеніе, такъ какъ реформы, произведенныя Петромъ въ области церковной администраціи, не стояли какимъ-либо особнякомъ отъ общегосударственныхъ преобразованій, а находились съ ними въ самой тѣсной и неразрывной органической связи, были вызваны одинаковыми побужденіями и основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ.

Въ своемъ манифестѣ о церковной реформѣ, состоявшей въ замѣнѣ единоличнаго патріаршаго управленія коллегіальнымъ [1]), Петръ заявилъ, что, заботясь объ улучшеніи государственнаго и общественнаго устройства и видя многочисленные недостатки въ церковной администраціи, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ произвести такія же преобразованія и улучшенія въ области духовнаго управленія, какія уже произведены имъ въ сферѣ гражданской и военной жизни. Самымъ же лучшимъ и вѣрнымъ средствомъ къ устраненію многочисленныхъ безпорядковъ, замѣчаемыхъ преобразователемъ въ духовномъ вѣдомствѣ, манифестъ признавалъ организацію церковнаго управленія на тѣхъ самыхъ коллегіальныхъ началахъ, которыя, по мнѣнію реформатора, съ такимъ успѣхомъ уже были примѣнены къ различнымъ отраслямъ общегосударственнаго управленія.

Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній преобразователь своимъ манифестомъ и поставилъ во главѣ церковнаго управленія духовную коллегію, поручивъ ей завѣдываніе всѣми дѣлами въ русской церкви на осно-

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,718.

ваніи спеціально написаннаго для нея Регламента и обязавъ своихъ подданныхъ относиться къ новому учрежденію и повиноваться его распоряженіямъ также, какъ они были обязаны повиноваться распоряженіямъ остальныхъ коллегій [1]). Въ Регламентѣ или „Уставѣ Духовной Коллегіи", обнародованномъ вмѣстѣ съ манифестомъ, новый органъ высшаго церковнаго управленія вполнѣ ясно и опредѣленно былъ приравненъ къ Петровскимъ коллегіямъ, завѣдывавшимъ различными отраслями государственной жизни [2]).

Но въ первомъ же засѣданіи духовной коллегіи ея члены признали крайне неудобнымъ и несправедливымъ то второстепенное положеніе, въ какое первоначально хотѣлъ поставить Петръ высшій органъ церковной власти въ общей системѣ государственнаго управленія, приравнявъ его къ остальнымъ коллегіямъ, и стали убѣдительно доказывать, что „Духовное Соборное Правительство", какъ прямой преемникъ полномочій патріарха, ни откуда не получавшаго указовъ, кромѣ одной верховной власти, должно стоять наряду не съ простыми коллегіями, подчиненными Сенату, а съ самимъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ [3]). Преобразователь не оставилъ безъ вниманія заявленія членовъ духовной коллегіи и ихъ недовольства предоставленною высшему органу церковнаго управленія ролью второстепеннаго государствен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 314. «Повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ», читаемъ въ манифестѣ, «имѣти» духовную коллегію «за важное и сильное Правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ... противъ прочихъ коллегій».

[2]) Тамъ же, стр. 316. «Таковыя различныя коллегіи», разъясняется въ Регламентѣ, «по различію дѣлъ и нуждъ Государственныхъ, Державнѣйшій Царь Всероссійскій, Петръ Первый премудрѣ на пользу отечества державы Своея уставилъ въ лѣто 1718».

[3]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2, стр 233.

наго учрежденія. Въ своей резолюціи на первый докладъ вновь организованнаго учрежденія Петръ, позволяя духовной коллегіи называться святѣйшимъ правительствующимъ Синодомъ, опредѣлилъ характеръ отношеній Синода къ различнымъ государственнымъ учрежденіямъ, выдѣливъ его изъ ряда коллегій и предписавъ ему относиться къ послѣднимъ не какъ къ равнымъ себѣ органамъ власти, а такъ, какъ относится къ нимъ Сенатъ, съ самимъ же Сенатомъ сноситься простыми вѣдѣніями, на правахъ равнаго высшаго государственнаго учрежденія [1]).

Авторъ документальной статьи о святѣйшемъ Синодѣ, составленной на основаніи необнародованныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи [2]), стремится доказать, что, не смотря на измѣненіе первоначальнаго положенія Синода въ ряду другихъ органовъ государственнаго управленія, высшее церковное учрежденіе и послѣ Высочайшей резолюціи 14 февраля 1721 года, поставившей его выше коллегій и приравнявшей къ Сенату, въ дѣйствительности не располагало правами, превышавшими полномочія простыхъ коллегій. „Равенство Синода съ Сенатомъ", говоритъ онъ [3]), „было только кажущееся; оно являлось лишь внѣшнимъ титуломъ, безъ сущности полномочій". Сенатъ во время Петра, по его словамъ [4]), былъ полномочнымъ органомъ по управленію дѣлами государства, былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи явились Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ. Это былъ высшій и главный центръ, гдѣ начиналось дѣло строенія государства и управленія. При существованіи же такого органа государственнаго управленія преобразователю, по мнѣнію автора, не

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,734.

[2]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2, стр. 227—398.

[3]) Тамъ же, стр. 253.

[4]) Тамъ же, стр. 252—253.

представлялось никакой необходимости создавать рядомъ съ нимъ другой, по сущности полномочій совершенно ему равный, хотя бы только для завѣдыванія одними церковными дѣлами. Въ то время духовная область, замѣчаетъ онъ, не составляла какого-нибудь особеннаго организма, существующаго отдѣльно отъ государства. Церковь существовала въ государствѣ и служила ему наравнѣ съ другими элементами, входившими въ его составъ. Кромѣ того, духовная область не имѣла строго очерченныхъ границъ, въ которыхъ была бы замкнута ея жизнь, такъ какъ церковь не чуждалась и мірскихъ, свѣтскихъ интересовъ, и Сенатъ, по необходимости, долженъ былъ входить съ своей властью въ эту духовную область, гдѣ имѣло мѣсто множество дѣлъ и интересовъ чисто государственныхъ. Слѣдовательно, заключаетъ авторъ цитируемой статьи, если бы преобразователь, создавая для управленія духовными дѣлами новый органъ, надѣлилъ его полномочіями высшаго самовластно и независимо дѣйствующаго органа, какимъ былъ Сенатъ, то онъ допустилъ бы въ одну область двоихъ равносильныхъ правителей, что погубило бы самое дѣло. Такимъ образомъ, для блага самого государства преобразователю невозможно было надѣлить Синодъ такою властью, какою онъ надѣлилъ Сенатъ.

Но самъ же авторъ отмѣченной статьи, разбираясь въ многочисленныхъ и разнохарактерныхъ матеріалахъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Синода и Сената, чувствуетъ себя вынужденнымъ признаться, что въ то время, какъ одни источники побуждаютъ его утверждать, что Синодъ по своимъ полномочіямъ стоялъ не выше коллегій и находился, если не въ прямомъ, гласномъ подчиненіи у Сената, то въ косвенной зависимости отъ него, какъ органа главенствующаго во всемъ государствѣ и нерѣдко входившаго съ своею властью и въ область синодальную, то другіе документы прямо противорѣчатъ высказываемому имъ мнѣнію. Послѣдняго

рода источники несомнѣнно указываютъ на то, что въ духовныхъ дѣлахъ Синодъ располагалъ такою же силой и пользовался такою же честью, какія Сенатъ имѣлъ въ дѣлахъ гражданскихъ, т. е. въ сферѣ свѣтскаго управленія, и что слѣдовательно, по своимъ полномочіямъ, Синодъ обладалъ равенствомъ съ Сенатомъ, былъ органомъ, неподчиненнымъ никому другому, кромѣ воли одного представителя верховной власти [1]).

И дѣйствительно, мысль о полномъ равенствѣ двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ отведенной имъ сферѣ дѣятельности, не совсѣмъ еще опредѣленно высказанная въ Высочайшей резолюціи отъ 14 февраля 1721 года, гдѣ Синоду предписывалось сноситься съ Сенатомъ простыми вѣдѣніями, а въ коллегіи обращаться съ указами, была въ скоромъ времени вполнѣ ясно и точно выражена самимъ Петромъ; „понеже“, писалъ онъ 12 апрѣля 1722 года [2]), „Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе“. Какъ органъ высшаго государственнаго управленія, располагавшій въ своей сферѣ равными съ Сенатомъ полномочіями, Синодъ также, какъ и Сенатъ, былъ надѣленъ преобразователемъ правомъ иниціативы въ составленіи новыхъ законовъ [3]). Правда, онъ не могъ самостоятельно опубликовать свои новые законы, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія ихъ со стороны представителя верховной власти [4]), но въ такое же положеніе по отношенію

---

[1]) Тамъ же, стр. 232.

[2]) Тамъ же, стр. 234.

[3]) П. С. З. т. VI, № 3,718. «Должна же есть коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи».

[4]) Тамъ же. «Однакожъ дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ Нашего соизволенія».

къ самодержавной власти былъ поставленъ и Сенатъ, что признаетъ и авторъ разсматриваемой статьи.

Доказательства существеннаго различія въ полномочіяхъ Синода и Сената онъ видитъ, однакоже, въ неодинаковыхъ способахъ представленія на обсужденіе верховной власти сенатскихъ и синодскихъ законодательныхъ проектовъ. „Сенатъ стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ государю", аргументируетъ авторъ [1]), „государь весьма часто присутствовалъ въ Сенатѣ. Совсѣмъ иное было положеніе Синода. Всѣ его „докладные пункты" не миновали Сената; они подавались государю большею частью чрезъ Сенатъ и обсуждались монархомъ совмѣстно съ Сенатомъ, безъ участія Синода... Изъ документовъ видно, что государь только одинъ разъ обсуждалъ синодскіе докладные пункты вмѣстѣ съ самимъ Синодомъ". Такіе факты очевиднаго предпочтенія Сената предъ Синодомъ и бо́льшаго довѣрія къ первому со стороны верховной власти и заставляютъ автора находить несомнѣнною несовсѣмъ вѣрную мысль, что государь только Сенатъ считалъ высшимъ органомъ государственнаго управленія и признавалъ его единственнымъ помощникомъ въ своихъ законодательныхъ работахъ [2]).

Близкія отношенія и бо́льшее довѣріе государя къ Сенату и факты почти постояннаго участія послѣдняго въ обсужденіи докладныхъ пунктовъ или законодательныхъ проектовъ Синода не подлежатъ никакому сомнѣнію, но они еще далеко не подтверждаютъ безошибочности выводовъ автора и не могутъ убѣдить насъ, что Петръ исключительно только одинъ Сенатъ признавалъ своимъ помощникомъ въ законодательныхъ работахъ. Явное предпочтеніе преобразователемъ Сената предъ Синодомъ, выражавшееся въ частыхъ случаяхъ личнаго присутствія государя на сенатскихъ за-

---

[1]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2, стр. 236.

[2]) Тамъ же, стр. 238.

сѣданіяхъ, обусловливалось, какъ намъ кажется, не тѣмъ, что Петръ только одинъ Сенатъ считалъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ и своимъ помощникомъ въ законодательной дѣятельности, а тѣмъ, что общегосударственныя дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи Сената, безъ сомнѣнія, несравненно больше интересовали преобразователя, чѣмъ узко-спеціальныя церковныя дѣла, порученныя высшему органу духовнаго управленія.

Сравнительно бо́льшее довѣріе, какимъ предпочтительно предъ Синодомъ пользовался Сенатъ въ глазахъ представителя верховной власти, могло находиться въ значительной зависимости отъ характера отношеній Петра ко всему вообще духовенству, какъ сословію, далеко не вполнѣ расположенному къ его реформамъ и даже находившемуся въ глухой оппозиціи къ нимъ.

Наконецъ, многочисленные случаи участія Сената въ обсужденіи законодательныхъ проектовъ Синода, представлявшихся на Высочайшее усмотрѣніе, и почти полное отсутствіе фактовъ противоположнаго характера всего проще и естественнѣе объясняются самымъ свойствомъ и характеромъ дѣлъ, непосредственно входившихъ въ кругъ вѣдомства Синода и Сената. Жизнь русской церкви, не чуждой и мірскихъ интересовъ, хотя и находилась въ вѣдѣніи своего собственнаго высшаго спеціальнаго органа управленія, но въ то же время во многихъ отношеніяхъ стояла въ самой тѣсной и неразрывной связи съ общимъ теченіемъ государственной жизни, порученнымъ завѣдыванію другого высшаго государственнаго учрежденія—Сената. Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ условій, почти каждая общая законодательная мѣра, проектировавшаяся Синодомъ, обязательно затрогивала и интересы гражданскаго вѣдомства, находившагося въ вѣдѣніи Сената, а при такомъ положеніи дѣлъ участіе Сената въ предварительномъ обсужденіи законодательныхъ синодальныхъ проектовъ должно было призна-

ваться государемъ не только полезнымъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и положительно необходимымъ.

Между тѣмъ аналогичное же участіе Синода въ предварительномъ обсужденіи сенатскихъ законодательныхъ проектовъ, въ большинствѣ случаевъ, было бы совершенно неумѣстнымъ и безполезнымъ, такъ какъ громадная масса сенатскихъ дѣлъ не имѣла ничего общаго съ интересами церкви, и Синодъ оказался бы совершенно некомпетентнымъ и безполезнымъ въ обсужденіи подобныхъ дѣлъ. Конечно, иногда и въ практикѣ сенатскаго управленія могли возникать такіе вопросы, которые были небезразличны для интересовъ церкви и такъ или иначе затрогивали нѣкоторыя стороны общественной и государственной жизни, входившія уже въ сферу компетенціи св. Синода. Но въ такихъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ и Сенатъ обязанъ былъ предварительно сноситься съ Синодомъ и уже только послѣ совмѣстнаго обсужденія подобныхъ законопроектовъ могъ представлять ихъ на утвержденіе верховной власти, или же, за отсутствіемъ государя, публиковать ихъ въ видѣ обязательныхъ законовъ. Когда Синодъ въ одномъ изъ своихъ „докладныхъ пунктовъ“ обратилъ вниманіе государя на полезность совмѣстнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ со стороны Сената и Синода, то Петръ, поставивъ и то и другое высшее государственное учрежденіе въ одинаковыя отношенія къ верховной власти, призналъ вполнѣ законнымъ и обязательнымъ проектированный Синодомъ порядокъ обсужденія и рѣшенія подобныхъ дѣлъ [1]).

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,854. «Когда Сенатскими приговоры», докладывалъ Синодъ, «бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и Синодская команда заключается, тогда можно, видится, прежде заключенія, во время обычнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и Синодъ увѣдомлять, и съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, чтобъ было къ лучшему общей пользы усмотрѣнію». Разсмотрѣвши синодальный докладъ, Петръ

Мы довольно подробно разсмотрѣли взгляды автора отмѣченной документальной статьи о св. Синодѣ, такъ какъ то или другое опредѣленіе положенія, въ какое поставилъ преобразователь высшій органъ церковной власти въ общей системѣ государственнаго управленія, далеко небезразлично для нашей цѣли. Правда, существуетъ не мало несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, которыя говорятъ, что вновь организованное высшее государственное учрежденіе, по своимъ полномочіямъ приравненное къ Сенату, въ практической жизни не всегда и не во всемъ стояло на одинаковой высотѣ съ нимъ. Сенатъ, привыкнувъ въ прежнее время довольно полновластно распоряжаться всѣми государственными дѣлами, не исключая и церковныхъ, какъ бы намѣренно не желалъ понять дѣйствительнаго значенія реформы Петра въ церковномъ управленіи и часто пользовался всевозможными благопріятными случаями, чтобы такъ или иначе поставить Синодъ ниже себя. Но всѣмъ подобнаго рода фактамъ уже невозможно придавать особенно важнаго значенія; они, въ большинствѣ случаевъ, говорятъ только о незаконныхъ стремленіяхъ Сената, нерѣдко встрѣчавшаго энергичный отпоръ со стороны Синода, ревниво оберегавшаго свои права на роль высшаго государственнаго учрежденія, никому не подчиненнаго, кромѣ одной верховной власти. Для нашей же цѣли имѣетъ значеніе правильное, обоснованное на достаточномъ количествѣ документальныхъ данныхъ, опредѣленіе того юридическаго положенія, какое было отведено Синоду представителемъ верховной власти въ общей системѣ государственнаго управленія.

написалъ въ своей резолюціи: «Какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія Нашей руки чинить; а буде во отлученіи Нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія Нашего будетъ невозможно: то Синоду согласиться съ Сенатомъ, и подписать, и потомъ публиковать». Пунктъ 5-й.

Поставивъ во главѣ духовнаго вѣдомства св. Синодъ, надѣленный такими же обширными правами и полномочіями въ отведенной ему сферѣ дѣятельности, какими располагалъ правительствующій Сенатъ, и организованный на одинаковыхъ съ нимъ коллегіальныхъ началахъ. Петръ долженъ былъ и относиться къ высшему коллегіальному церковному учрежденію также, какъ онъ относился къ Сенату. Говоря о преобразованіяхъ, произведенныхъ Петромъ въ высшемъ государственномъ управленіи, мы уже имѣли случай замѣтить, что, какъ ни велики были въ глазахъ реформатора преимущества коллегіальной формы правленія предъ старой системой администраціи, основанной на личномъ началѣ, все же одни они не признавались вполнѣ достаточной гарантіей отъ возможныхъ злоупотребленій новой администраціи. Глубоко довѣряя коллегіальной формѣ правленія и ставя ее несравненно выше системы администраціи, основанной на личномъ началѣ, преобразователь въ то же время, какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда, сильно не довѣрялъ самымъ членамъ коллегіальныхъ учрежденій. Личный составъ коллегіально организованнаго Сената и характеръ дѣятельности его членовъ, часто заявлявшихъ себя неопытностью, небрежностью въ исполненіи своихъ обязанностей или даже позволявшихъ себѣ прямое нарушеніе законовъ и злоупотребленіе своимъ положеніемъ, поддерживали и усиливали въ преобразователѣ недовѣріе къ членамъ высшаго государственнаго учрежденія. Выходъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго глубокимъ убѣжденіемъ въ громадныхъ преимуществахъ коллегіальной системы управленія и признаніемъ несомнѣннаго факта существованія различныхъ недостаткахъ въ государственной и общественной жизни, являвшихся практическимъ результатомъ функціонированія подобной системы, Петръ, какъ намъ уже извѣстно, думалъ найти въ привнесеніи личнаго начала въ коллегіально организованный Сенатъ и въ своеобразномъ сочетаніи двухъ противополож-

ныхъ началъ. Личное начало и было введено реформаторомъ въ коллегіальный Сенатъ въ формѣ института прокуратуры, неразрывно связаннаго съ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ.

Тѣ же самыя явленія имѣли мѣсто и въ исторіи отношеній представителя верховной власти къ другому высшему коллегіальному учрежденію, поставленному во главѣ управленія русскою церковью. Какъ въ гражданскомъ управленіи коллегіальныя начала, положенныя въ основу организаціи Сената, не уничтожали собою возможности различныхъ нежелательныхъ явленій, которыя и заставили преобразователя организовать постоянный личный надзоръ и контроль за дѣятельностью Сената, такъ и въ области церковной жизни съ учрежденіемъ Синода далеко еще не исчезли всѣ старые нестроенія и безпорядки, упоминаемые въ Высочайшемъ манифестѣ [1]) въ качествѣ одной изъ побудительныхъ причинъ къ замѣнѣ патріаршества духовной коллегіей. Къ признанію значительныхъ недостатковъ въ дѣятельности Синода примѣшивалось еще у государя и недовѣріе къ членамъ высшаго коллегіальнаго церковнаго учрежденія, — недовѣріе, даже болѣе сильное, чѣмъ къ членамъ Сената; послѣдніе, хотя и злоупотребляли своимъ положеніемъ, позволяя себѣ, напр., взяточничество, но во всякомъ случаѣ въ глазахъ Петра никогда не стояли на сторонѣ лицъ, несочувственно относившихся къ его реформаторской дѣятельности, тогда какъ всѣ члены Синода принадлежали къ духовному сословію, а духовенство, по мнѣнію преобразователя, далеко несочувственно относилось къ нему и даже находилось въ скрытой оппозиціи къ его реформамъ.

При такихъ отношеніяхъ верховной власти къ Синоду, послѣдній также, какъ и Сенатъ, не могъ быть предоставленъ самому себѣ въ порученной ему сферѣ

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,718.

правительственной дѣятельности; преобразователь, неимѣвшій возможности всегда лично присутствовать на засѣданіяхъ Синода и далеко не во всемъ довѣрявшій его членамъ, чувствовалъ настоятельную необходимость въ учрежденіи постояннаго надзора и правильно организованнаго контроля за дѣятельностью новаго высшаго органа церковнаго управленія. Создавать какое-либо новое учрежденіе для цѣлей подобнаго надзора, или же производить радикальныя измѣненія въ самой организаціи Синода не представлялось никакой необходимости; идея прокуратуры для коллегіальныхъ учрежденій была уже готова и даже получила практическое примѣненіе въ правительствующемъ Сенатѣ, гдѣ личное начало, въ лицѣ генералъ-прокурора, должно было соединяться съ правильностью и независимостью коллегіальнаго устройства, не подавляя его, а лишь только устанавливая постоянную и непосредственную связь между верховною властью и Сенатомъ. Идея прокуратуры въ той формѣ, въ какой она уже примѣнялась къ Сенату въ лицѣ его генералъ-прокурора, и была цѣликомъ перенесена Петромъ въ область церковнаго управленія.

Въ примѣненіи къ св. Синоду институтъ прокурорскаго надзора за дѣятельностью высшихъ коллегіальныхъ учрежденій выразился въ новой должности синодальнаго оберъ-прокурора, надѣленнаго тѣми же самыми правами и полномочіями, какими пользовался генералъ-прокуроръ правительствующаго Сената, и поставленнаго въ такія же отношенія къ верховной власти и къ порученному его надзору коллегіальному учрежденію, въ какихъ находился сенатскій генералъ-прокуроръ. Высочайшимъ указомъ отъ 11 мая 1722 г. Петръ, не разрушая и даже не желая ослаблять новыхъ началъ, положенныхъ въ основу организаціи высшаго церковнаго управленія, ввелъ въ коллегіальный Синодъ личное начало, въ формѣ должности оберъ-

прокурора, поставленнаго въ ближайшія отношенія къ верховной власти [1]).

Вручая контроль за дѣятельностью Синода новому органу прокуратуры, преобразователь даже не нашелъ нужнымъ вырабатывать для него особой инструкціи и призналъ вполнѣ достаточной для опредѣленія его правъ и обязанностей уже готовую инструкцію генералъ-прокурора, почему избранный государемъ 11 мая 1722 года [2]), первый синодальный оберъ-прокуроръ, полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ, и получилъ въ свое руководство дословную копію съ генералъ-прокурорскаго наказа, съ простою замѣной названій самой должности и высшаго государственнаго учрежденія [3]). Даже названія низшихъ органовъ прокуратуры, подчиненныхъ генералъ-прокурору Сената, въ оберъ-прокурорской инструкціи остались тѣ же самыя, что и въ генералъ-прокурорской, хотя въ синодальномъ вѣдомствѣ низшіе органы прокурорскаго надзора и были извѣстны подъ другими именами. Въ исторической литературѣ [4]) уже была высказана правдоподобная догадка, что послѣдняя, довольно странная особенность оберъ-прокурорскаго наказа обусловливалась невнимательнымъ отношеніемъ дьяка или подъячаго Сената къ порученному ему дѣлу составленія инструкціи. Получивъ приказаніе составить новую инструкцію согласно съ генералъ-прокурорской, какой-нибудь сенатскій дьякъ, по всей вѣроятности, понялъ подобное приказаніе въ самомъ прямомъ, буквальномъ

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4,001. «Въ Синодъ», писалъ въ своемъ указѣ Петръ, «выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе Синодскаго дѣла знать, и быть ему Оберъ-Прокуроромъ, и дать ему инструкцію, примѣнясь къ инструкціи Генералъ-Прокурора».

[2]) Полное Собр. Постан. и Распор. по дух. вѣд. Т. II, № 705.

[3]) П. С. З. т. VI, № 4,036.

[4]) Петровскій. «О Сенатѣ въ царствованіе Петра В.», стр. 171.

смыслѣ и списалъ ее слово въ слово съ даннаго ему наказа генералъ-прокурора, не потрудившись даже примѣнить ее къ особому положенію синодальнаго оберъ-прокурора и назвать въ ней, вмѣсто чиновниковъ, подчиненныхъ генералъ-прокурору, низшіе органы прокуратуры, существовавшіе въ духовномъ вѣдомствѣ.

Вопросъ объ оберъ-прокурорахъ св. Синода или, точнѣе, о томъ положеніи, въ какое они, какъ представители личнаго начала въ сферѣ управленія, были поставлены верховною властью по отношенію къ высшему церковному коллегіальному учрежденію, а также и самый историческій процессъ постепенныхъ измѣненій въ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и правительствующаго Синода не только не разработаны, но даже почти совершенно не затронуты въ нашей литературѣ; между тѣмъ, едва-ли нужно говорить, что историческое прошлое синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, характеръ ихъ дѣятельности, ихъ отношенія къ предоставленнымъ имъ правамъ и обязанностямъ, ихъ столкновенія съ Синодомъ представляютъ для насъ значительный интересъ. Роль, какую играли синодальные оберъ-прокуроры въ церковномъ управленіи въ первое время послѣ учрежденія Синода, была далеко не похожа на ту, какую они получили возможность выполнять въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Въ то время, какъ большинство оберъ-прокуроровъ XVIII вѣка фактически не располагало сильнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи и даже наиболѣе дѣятельные и энергичные изъ нихъ должны были выдерживать упорную и продолжительную борьбу съ Синодомъ изъ-за возможности такого фактическаго вліянія на коллегіальное церковное учрежденіе,—борьбу, далеко не всегда оканчивавшуюся благопріятно для оберъ-прокуроровъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія представители личнаго начала въ коллегіальномъ церковномъ управленіи встали уже въ сильно измѣнившіяся отношенія къ Синоду.

Значительная перемѣна въ положеніи синодальныхъ оберъ-прокуроровъ, сдѣлавшаяся особенно замѣтной въ настоящемъ столѣтіи, произошла, однакоже, не вдругъ, подъ вліяніемъ какого-либо одного Высочайшаго указа, рѣзко измѣнившаго ихъ права и полномочія, а явилась результатомъ продолжительнаго и сложнаго процесса постепенныхъ измѣненій въ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и св. Синода, какъ представителей двухъ противоположныхъ началъ въ управленіи.

Намъ кажется, что трудъ, спеціально посвященный изученію отмѣченнаго процесса, не будетъ излишнимъ въ исторической литературѣ.

II.

19-го іюня 1722 года въ засѣданіи св. Синода было выслушано сенатское вѣдѣніе, гдѣ сообщалось, что 11 мая того же года государь, присутствуя въ Сенатѣ, опредѣлилъ учредить въ правительствующемъ Синодѣ особую должность оберъ-прокурора и назначилъ для отправленія новыхъ прокурорскихъ обязанностей полковника Ивана Васильевича Болтина, приказавъ дать ему въ руководство такую же инструкцію, какой долженъ былъ руководиться въ своей дѣятельности генералъ-прокуроръ. Сообщая о Высочайшемъ повелѣніи, Сенатъ въ то же время доводилъ до свѣдѣнія Синода, что полковникъ Болтинъ уже выслушалъ указъ о своемъ назначеніи, получилъ инструкцію, подписанную, за отсутствіемъ государя, сенаторами, и приведенъ къ установленной присягѣ [1]).

Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ документахъ и дѣлахъ, хранящихся въ синодальномъ архивѣ, не встрѣчается ни малѣйшаго указанія и намека на то,

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. правит. Синода. Томъ II, часть 1, № 734.

какъ отнесся Синодъ, въ лицѣ своихъ членовъ, къ извѣстію о новой и въ высшей степени важной для него правительственной мѣрѣ, состоявшей въ привнесеніи личнаго начала въ коллегіально организованное высшее церковное учрежденіе. Изъ цитированнаго дѣла, имѣющаго прямое отношеніе къ опредѣленію Болтина синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, видно, что св. Синодъ на сенатское вѣдѣніе отвѣтилъ простымъ постановленіемъ о вступленіи въ должность назначеннаго государемъ оберъ-прокурора и обратился къ Сенату съ просьбою прислать въ Синодъ копіи съ присяги, принятой Болтинымъ, и съ данной ему инструкціи [1]). Можно только предполагать, на основаніи нѣкоторыхъ не прямыхъ, но косвенныхъ данныхъ, что члены Синода не видѣли большой и серьезной опасности для самостоятельности и независимости высшаго коллегіальнаго государственнаго учрежденія отъ искусственнаго введенія въ его организацію личнаго начала, въ формѣ новой должности оберъ-прокурора. По крайней мѣрѣ, когда въ Высочайшемъ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи высшій органъ церковнаго управленія былъ приравненъ къ простымъ коллегіямъ, подчиненнымъ правительствующему Сенату, св. Синодъ, какъ намъ уже извѣстно, въ первомъ же засѣданіи призналъ крайне неудобнымъ и несправедливымъ то второстепенное, несамостоятельное положеніе, въ какое хотѣлъ первоначально поставить его Петръ въ общей системѣ государственнаго управленія, и настолько успѣшно и убѣдительно доказывалъ необходимость приравнять духовную коллегію къ высшему государственному учрежденію — Сенату, ни отъ кого не зависѣвшему, кромѣ одной верховной власти, что преобразователь долженъ былъ уступить доводамъ членовъ вновь организованнаго церковнаго учрежденія. Между тѣмъ извѣстіе о назначеніи оберъ-прокурора, надѣленнаго широкими правами и полномочіями, повидимому, не вызвало въ

[1]) Тамъ же, стр. 1122—1123.

членахъ Синода никакихъ серьезныхъ и сильныхъ опасеній, такъ какъ они, выслушавъ сенатское вѣдѣніе, тотчасъ же сдѣлали согласное съ нимъ постановленіе и только предложили Сенату прислать имъ копію съ оберъ-прокурорской инструкціи.

Права и полномочія, какими верховная власть надѣлила назначеннаго въ высшее коллегіальное учрежденіе представителя личнаго начала въ церковномъ управленіи, были, дѣйствительно, очень важны и обширны, но, по идеѣ преобразователя, они не возвышали личное начало надъ коллегіальнымъ, а тѣмъ болѣе, не должны были давать возможности новому чиновнику дѣйствовать подавляющимъ образомъ на самостоятельность и независимость коллегіальнаго учрежденія. Поставленный въ положеніе представителя самого государя [1]) и его уполномоченнаго, никому неподчиненнаго и ни предъ кѣмъ необязаннаго отчетомъ, кромѣ одной верховной власти [2]), оберъ-прокуроръ долженъ былъ принимать самое близкое и живое участіе въ разнообразной дѣятельности св. Синода. Инструкція вмѣняла ему въ обязанность постоянно присутствовать на засѣданіяхъ Синода и внимательно наблюдать, чтобы высшее коллегіальное церковное учрежденіе строго сообразовалось въ своей дѣятельности съ Высочайшими указами и регламентами и ни въ какомъ случаѣ не позволяло бы себѣ излишней медленности въ веденіи и рѣшеніи дѣлъ. Но такъ какъ дѣйствительные интересы закона далеко не всегда могли удовлетворяться одною формальною, канцелярскою правильностью синодальнаго дѣлопроизводства, то инструкція поручала оберъ-прокурору, не ограничивая свой надзоръ только предѣлами канцеляріи, строго смотрѣть и за тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія и указы Синода въ точности и, по возможности, немедленно проводи-

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4.036, п. 11.

[2]) Тамъ же, п. 9.

лись въ самую жизнь, для чего и предписывала ему отмѣчать въ особомъ журналѣ день изданія каждаго указа и время его исполненія, или же, въ случаѣ неисполненія синодальнаго распоряженія, объяснять причины, обусловливавшія собою подобную неисправность [1]).

Отступленія членовъ Синода отъ точнаго исполненія дѣйствовавшихъ законовъ, а тѣмъ болѣе, явное отсутствіе безпристрастія въ рѣшеніи какихъ-либо дѣлъ позволяли оберъ-прокурору, какъ строгому блюстителю законности, вмѣшиваться въ самую дѣятельность высшаго коллегіальнаго учрежденія. Въ такихъ случаяхъ оберъ-прокуроръ, въ силу даннаго ему наказа [2]), былъ обязанъ немедленно разъяснить Синоду, въ чемъ его члены поступаютъ несогласно съ дѣйствительными требованіями закона, и „предложить“ высшему органу церковнаго управленія произвести извѣстныя измѣненія въ своемъ постановленіи. Нежеланіе членовъ коллегіальнаго учрежденія отступить отъ разъ принятаго рѣшенія и подчиниться указаніямъ представителя личнаго начала въ церковномъ управленіи давало право оберъ-прокурору опротестовать постановленіе Синода, пріостановить дальнѣйшее движеніе самаго дѣла и обо всемъ случившемся немедленно донести государю, если того требовали спѣшность и важность дѣла, или же доложить о своемъ столкновеніи съ Синодомъ при ближайшемъ, удобномъ случаѣ.

Какъ высшій органъ прокурорскаго надзора, поставленный во главѣ цѣлаго института прокуратуры, оберъ-прокуроръ не только долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью фискаловъ и прокуроровъ, но и располагалъ правомъ, предлагая ихъ доношенія на обсужденіе Синода, побуждать послѣдній не оставлять безъ должнаго вниманія сообщеній своихъ чиновниковъ [3]).

[1]) Тамъ же, п. 1.
[2]) Тамъ же, п. 2.
[3]) Тамъ же, п. 3 и 4.

Вмѣстѣ съ низшими представителями государственнаго надзора въ церковномъ вѣдомствѣ инструкція ставила въ подчиненныя отношенія къ оберъ-прокурору и самые органы синодальнаго дѣлопроизводства, поручая его управленію канцеляріи св. Синода [1]).

Являясь „директоромъ“ синодальной канцеляріи, имѣя подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ прокуроровъ и фискаловъ и располагая широкими полномочіями не только контролировать дѣятельность высшаго государственнаго учрежденія, но, при случаѣ, и оказывать извѣстное вліяніе на членовъ Синода, побуждая ихъ строго исполнять требованія закона или даже измѣнять свои неправильныя постановленія, оберъ-прокуроръ былъ надѣленъ еще однимъ очень важнымъ правомъ. Инструкція не ставила синодальнаго оберъ-прокурора въ положеніе простого, пассивнаго наблюдателя за правильнымъ и законнымъ ходомъ дѣлъ въ коллегіальномъ учрежденіи; называя его „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ [2]), она вмѣняла въ обязанность оберъ-прокурору принимать на себя и роль иниціатора, позволяя ему, съ своей стороны, предлагать на обсужденіе и рѣшеніе Синода такіе вопросы, на которые не существовало достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ [3]).

[1]) Тамъ же, п. 5.

[2]) Тамъ же, п. 11.

[3]) Тамъ же, п. 10. Считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что въ исторической литературѣ встрѣчаются мнѣнія, будто бы „первоначально по инструкціи оберъ-прокуроръ въ Синодѣ имѣлъ значеніе только наблюдателя“ (Кедровъ. Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, стр. 62). Подобный взглядъ на роль, отводимую инструкціей синодальному оберъ-прокурору въ высшемъ церковномъ управленіи, нисколько, однакоже, не подтверждается самымъ оберъ-прокурорскимъ наказомъ, гдѣ верховная власть называетъ своего представителя не только простымъ наблюдателемъ („окомъ“), но и „стряпчимъ о дѣ-

Но, создавая, въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора, въ высшей степени важный, вліятельный и сильный органъ личнаго управленія, поставленный въ непосредственныя отношенія къ верховной власти, никому необязанный отчетомъ, кромѣ одного государя, и надѣленный обширными правами и полномочіями, преобразователь не имѣлъ намѣренія подчинить личному началу коллегіально организованное учрежденіе и отнять у Синода самую возможность пользоваться въ будущемъ времени предоставленной ему относительной свободой и самостоятельностью дѣйствій. Учреждая новую должность оберъ-прокурора, Петръ не ставилъ послѣдняго въ положеніе начальника надъ св. Синодомъ, а лишь только вводилъ его въ высшій органъ церковнаго управленія, въ качествѣ своеобразнаго дополненія къ коллегіальному устройству Синода. Право протеста противъ постановленій духовной коллегіи и возможность активнаго вліянія на ея дѣятельность, предоставленныя инструкціей представителю личнаго начала въ высшемъ церковномъ управленіи, были даны преобразователемъ синодальному оберъ-прокурору исключительно только съ тою цѣлью, чтобы имѣть въ его лицѣ надежное средство для успѣшной борьбы съ злоупотребленіями и энергичное орудіе для оживленія самой дѣятельности коллегіальнаго Синода.

Такой взглядъ на положеніе, созданное реформаторомъ для новой должности синодальнаго оберъ-прокурора, непосредственно вытекаетъ изъ анализа Высочайшей инструкціи, характеризующей отношенія главнаго органа прокуратуры къ верховной власти и къ

лахъ государственныхъ“ (п. 11), и находится въ прямомъ противорѣчіи съ 10-мъ пунктомъ той же инструкціи; „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено“, читаемъ здѣсь о правахъ и обязанностяхъ оберъ-прокурора, „о тѣхъ предлагать Синоду, чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы... И ежели въ пополненіе сей инструкціи что усмотритъ, о томъ доносить же“.

высшему церковному учрежденію. Надѣляя оберъ-прокурора чрезвычайно важнымъ правомъ останавливать, по своему усмотрѣнію, приведеніе въ исполненіе постановленій св. Синода и доносить о проступкахъ его членовъ лично самому государю. Петръ въ то же время заботился и объ интересахъ духовной коллегіи и явно стремился къ тому, чтобы гарантировать ея дѣятельность отъ подавляющаго вліянія представителя прокурорскаго надзора. По словамъ инструкціи [1]), оберъ-прокуроръ въ своихъ доношеніяхъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, обязанъ наблюдать крайнюю осторожность и осмотрительность, чтобы кому-нибудь не причинить незаслуженнаго безчестія, и долженъ имѣть въ виду, что за всякій небезпристрастный и несправедливый допосъ, вызванный какими-либо мотивами личнаго характера, онъ самъ понесетъ заслуженное наказаніе.

Доставляя духовной коллегіи извѣстныя гарантіи отъ нежелательнаго, подавляющаго вліянія на ея дѣятельность со стороны надѣленнаго широкими полномочіями оберъ-прокурора, инструкція даже давала возможность высшему церковному коллегіальному учрежденію, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, относиться къ представителю личнаго начала въ церковномъ управленіи, какъ къ своему подчиненному.

Если во время отсутствія императора Синодъ замѣчалъ, что назначенный верховною властью оберъ-прокуроръ совершилъ какое-либо важное и тяжелое преступленіе, требующее немедленнаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновнаго, то имѣлъ право, собственною властью, арестовать „око государя“ и начать судебное слѣдствіе, оберъ-прокурорскія же обязанности поручить, по своему выбору, другому лицу. И только самое наказаніе обвиняемаго прокурора инструкція

[1]) Тамъ же, п. 2.

оставляла за одной верховной властью [1]). Безъ сомнѣнія, разсматриваемый пунктъ оберъ-прокурорскаго наказа не заключаетъ въ себѣ прямыхъ и непосредственныхъ указаній на нормальныя отношенія двухъ противоположныхъ началъ, соединенныхъ преобразователемъ въ высшемъ органѣ церковнаго управленія, но намъ кажется, что онъ имѣетъ немаловажное значеніе для правильнаго пониманія того положенія, въ какое Петръ хотѣлъ поставить своего оберъ-прокурора въ коллегіальномъ Синодѣ. Заботясь о государственныхъ интересахъ, реформаторъ думалъ найти въ личномъ началѣ вѣрное и надежное средство для успѣшной борьбы съ недостаточно энергичной и не всегда строго-законной дѣятельностью членовъ коллегіальнаго учрежденія и съ этою цѣлью надѣлилъ своего оберъ-прокурора обширными правами и полномочіями; но, не имѣя намѣренія подчинять представителю личнаго начала коллегіально организованный Синодъ и подавлять его самодѣятельности сильнымъ развитіемъ личной власти, онъ стремился сдѣлать рискованной и опасной возможность злоупотребленій со стороны оберъ-прокурора предоставленными ему полномочіями.

Не смотря на всѣ мѣры, предпринятыя преобразователемъ для идеальнаго, съ его точки зрѣнія, соединенія двухъ противоположныхъ началъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи, инструкція не могла создать вполнѣ опредѣленныхъ, устойчивыхъ взаимныхъ отношеній Синода и его оберъ-прокурора; она не предусматривала, игнорировала возможность частыхъ столкновеній далеко не одинаковыхъ интересовъ представителей двухъ различныхъ началъ въ области церковнаго управленія, почему и оказалась безсильной подавить и

---

[1]) Тамъ же, п. 9. „Ежели“ оберъ-прокуроръ „во отлученіи Нашемъ явится въ тяжкой и времени не терпящей винѣ, яко измѣнѣ; то Синодъ можетъ арестовать и розыскивать, а дѣло приказать иному кому; однакожъ никакой пытки, экзекуціи, или наказанія не чинить“.

уничтожить естественныя и нормальныя стремленія, съ одной стороны, оберъ-прокуроровъ, желавшихъ пріобрѣсти болѣе сильное вліяніе на синодальное вѣдомство, а съ другой—и самого правительствующаго Синода, не чуждаго желанія уменьшить, ослабить значеніе личнаго начала въ коллегіальномъ учрежденіи.

При существованіи подобныхъ условій, характеръ дѣйствительныхъ, фактическихъ отношеній оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду долженъ былъ находиться въ значительной зависимости отъ личныхъ способностей и энергіи самыхъ органовъ прокуратуры. Личныя способности и энергія оберъ-прокуроровъ, несомнѣнно, имѣли важное значеніе въ сферѣ ихъ фактическихъ отношеній къ коллегіальному учрежденію, такъ какъ обширныя права въ соединеніи съ громадною отвѣтственностью [1]) неизбѣжно должны были побуждать ихъ стремиться къ постепенному расширенію и усиленію своего вліянія на синодальное вѣдомство. На пути же къ достиженію своей цѣли оберъ-прокуроры не могли не встрѣтиться съ противоположными стремленіями св. Синода, интересы котораго, въ данномъ случаѣ, рѣшительно расходились съ интересами синодальныхъ представителей верховной власти. Члены высшаго церковнаго коллегіальнаго учрежденія не только не относились безучастно къ дѣятельности оберъ-прокуроровъ, если она заключала въ себѣ скрытую тенденцію усилить вліяніе личной власти на церковное управленіе, или даже просто могла поставить ихъ въ невыгодное, нежелательное положеніе, но и сами, съ своей стороны, нерѣдко обнаруживали стремленія, по возможности, парализовать дѣйствительное, фактическое вліяніе оберъ-прокуроровъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ

---

[1]) Тамъ же, п. 11. Оберъ-прокурору „надлежитъ вѣрно поступать, ибо первo на немъ взыскано будетъ. И ежели въ чемъ помянитъ, или инако какимъ образомъ ни есть должность свою вѣдѣніемъ и волею преступитъ: то яко преступникъ указа и явной разоритель Государства, наказанъ будетъ".

управленіи. И нужно замѣтить, что противодѣйствіе Синода оберъ-прокурорамъ, надѣленнымъ широкими правами и полномочіями, было далеко не всегда безрезультатнымъ и безполезнымъ для интересовъ коллегіальнаго учрежденія, такъ что первые представители личнаго начала въ духовномъ вѣдомствѣ не имѣли возможности фактически пользоваться тѣмъ положеніемъ, какое создавалось предоставленными имъ прерогативами, и должны были довольствоваться очень скромною ролью, хотя и они не упускали благопріятныхъ случаевъ для усиленія своего вліянія на членовъ св. Синода.

Уже первый синодальный оберъ-прокуроръ, Иванъ Васильевичъ Болтинъ, признанный 19 іюня 1722 года вступившимъ въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей [1]), пользуясь однимъ изъ наиболѣе важныхъ правъ, даваемыхъ инструкціей,—правомъ протеста противъ тѣхъ постановленій Синода, которыя казались ему не вполнѣ согласными съ требованіями закона, не побоялся, въ скоромъ же времени послѣ вступленія въ новую должность, довольно чувствительнымъ образомъ затронуть самые жизненные интересы членовъ высшаго коллегіальнаго учрежденія. Еще задолго до учрежденія должности оберъ-прокурора, а именно 29 ноября 1721 года, въ св. Синодѣ состоялось постановленіе по вопросу о выдачѣ его членамъ Высочайше опредѣленнаго жалованья. Не смотря на то,

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Син. Т. II, часть I, № 734. Авторъ цитированной статьи о св. Синодѣ, составленной на основаніи документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, опредѣляетъ время вступленія въ должность перваго синодальнаго оберъ-прокурора, полковника Болтина, 4-мъ числомъ мѣсяца іюля 1722 года. (Внутренній бытъ русскаго государства. кн. 2, стр. 266). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ документа, заставляющаго его считать 4-е іюля первымъ днемъ служебной дѣятельности Болтина; можно только догадываться, что въ данномъ случаѣ онъ руководился не какими либо неопубликованными матеріалами,

что размѣры содержанія синодальныхъ членовъ были опредѣлены именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 18 января 1721 года [1]), въ первое время послѣ открытія Синодъ, какъ видно изъ документовъ его архива [2]), не имѣлъ возможности выдавать постояннаго жалованія своему наличному персоналу. 10 марта 1721 года одинъ изъ синодальныхъ ассессоровъ, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, принужденъ былъ обратиться къ Синоду съ просьбою выдать ему что-нибудь на пропитаніе, такъ какъ, по его объясненію, онъ не получилъ никакого вознагражденія за свою службу, и Синодъ могъ дать ему только заимообразно небольшую сумму изъ свободнаго наличнаго капитала. Чрезъ нѣсколько дней и по такой же просьбѣ была выдана денежная ссуда и другому синодальному ассессору Кондоиди. Тогда уже Синодъ написалъ „вѣдѣніе“ въ правительствующій Сенатъ съ просьбою прислать ему „окладъ жалованья“ всѣмъ синодальнымъ членамъ и указать спеціальные источники для полученія назначеннаго содержанія. Въ отвѣтъ на посланное вѣдѣніе Сенатъ 22 сентября сообщилъ Синоду, что Высочайшимъ указомъ президенту назначено жалованья 3.000 рублей, вице-президентамъ по 2,500 р., совѣтникамъ по 1.000 р. и ассессорамъ по 600 рублей, но съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы изъ опредѣленной суммы жалованія вычиталось столько же, сколько члены Си-

---

хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, а „Полнымъ Собраніемъ Постановленій и Распоряженій по вѣдомству прав. исповѣданія“, гдѣ (т. II, № 705) извлеченіе изъ „дѣла Синода о битіи оберъ-прокуроромъ полковнику Ив. В. Болтину“ (Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. II, ч. I, № 734) дѣйствительно помѣщено подъ 4-мъ числомъ мѣсяца іюля. По самое признаніе Болтина вступившимъ въ отправленіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей, какъ это видно изъ отмѣченнаго дѣла синодальнаго архива, несомнѣнно имѣло мѣсто 19 іюня 1722 года.

[1]) П. С. З. т. VI, № 3,712.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I, № 151.

нода получаютъ за свою епархіальную службу, т. е. архіереи отъ епархій и архимандриты отъ монастырей. Но при объявленіи о доходахъ, получаемыхъ синодальными членами изъ мѣстъ ихъ епархіальнаго служенія, только одинъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій сообщилъ, что онъ имѣетъ годового дохода изъ своего архіерейскаго дома 313 рублей, 20 алтынъ, 5 денегъ [1]), а такъ какъ всѣ синодальные члены въ первое время сильно нуждались въ денежныхъ средствахъ, то Синодъ, основываясь на Высочайшемъ указѣ, устанавливавшемъ опредѣленный окладъ вознагражденія за службу въ новомъ церковномъ учрежденіи, и постановилъ 29 ноября 1721 года выдать изъ наличныхъ суммъ полное жалованье за весь 1721-й годъ, „для новоззаводства“, какъ мотивировалъ онъ свое опредѣленіе, „и ради нынѣшняго изъ Санктъ-Питербурха въ Москву отъѣзду и будущаго оттолѣ возвращенія“...

Хотя постановленіе Синода о выдачѣ жалованья за 1721 годъ и состоялось еще въ то время, когда не существовало самой должности оберъ-прокурора, Болтинъ, какъ представитель интересовъ государства, нашелъ неудобнымъ оставить безъ всякихъ послѣдствій самовольный и не вполнѣ законный поступокъ синодальныхъ членовъ и въ іюнѣ 1723 года обратился въ Синодъ съ „предложеніемъ“, въ высшей степени непріятнымъ для его наличнаго состава; признавая днемъ открытія коллегіальнаго органа церковнаго управленія 14-е февраля 1721 года, онъ заявилъ свой протестъ противъ давно уже совершившагося факта полученія синодальными членами полнаго жалованья за весь 1721 годъ и потребовалъ отъ нихъ возвращенія неправильно взятыхъ излишнихъ суммъ.

Но Синодъ, еще не чувствовавшій надъ собой сильнаго вліянія оберъ-прокурорской власти, нашелъ въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы вступиться за свои интересы и не исполнить крайне

---

[1]) Тамъ же, стр. 138.

непріятныхъ требованій Болтина; такимъ средствомъ въ рукахъ высшаго коллегіальнаго церковнаго учрежденія явилась возможность непосредственнаго обращенія къ самой верховной власти, отъ имени которой оберъ-прокуроръ и заявилъ свое требованіе, такъ сильно затронувшее жизненные интересы членовъ св. Синода. Въ своей „ремонстраціи“, вызванной оберъ-прокурорскимъ протестомъ, Синодъ рѣшительно утверждалъ, что ему ничего не слѣдуетъ возвращать изъ полученнаго жалованья [1]), и стремился самымъ убѣдительнымъ образомъ доказать законность своего постановленія и, слѣдовательно, неправильность, неумѣстность притязаній Болтина. По словамъ синодальнаго заявленія, нѣкоторые изъ членовъ Синода еще задолго до 1721 года уже много потрудились на пользу церковнаго вѣдомства, принимая живое и дѣятельное участіе въ составленіи Духовнаго Регламента, окончательно разсмотрѣннаго и даже утвержденнаго государемъ въ 1720 году [2]); другіе же синодальные члены, хотя и не принимали участія въ составленіи Регламента, но за то были призваны къ новой дѣятельности въ томъ же 1720 году и, находясь въ Москвѣ, должны были въ декабрѣ этого года переправляться въ С.-Петербургъ, что, безъ сомнѣнія, потребовало отъ нихъ значительныхъ издержекъ и такихъ трудовъ, „каковы бъ въ синодскомъ сидѣньѣ были“ [3]); самый Высочайшій указъ о своемъ назначеніи члены Синода выслушали въ Сенатѣ еще до 14 февраля 1721 года [4]) и уже 9 февраля разсуждали объ одномъ духовномъ дѣлѣ на Александроневскомъ подворьѣ [5]). Доказывая незаконность притязаній оберъ-прокурора на жалованье, взятое за январь и первую

---

[1]) Тамъ же, стр. 136.

[2]) Тамъ же, п.п. 1 и 2.

[3]) Тамъ же, п. 3.

[4]) Тамъ же, п. 4.

[5]) Тамъ же, п. 5.

половину февраля 1721 года, Синодъ въ то же время не оставилъ безъ объясненій и того довольно важнаго обстоятельства, что, при своемъ постановленіи о выдачѣ вознагражденія за 1721 годъ, онъ не принялъ во вниманіе доходовъ, получаемыхъ его членами отъ епархій и монастырей; по словамъ „ремонстраціи“, доходы отъ епархій и монастырей не были включены въ размѣры Высочайше опредѣленнаго жалованья на томъ основаніи, что они являлись вполнѣ законнымъ вознагражденіемъ за особые труды по управленію епархіями и монастырями, такъ какъ члены Синода не освобождены отъ возложенныхъ на нихъ епархіальныхъ обязанностей и должны нести двойной трудъ, участвуя въ засѣданіяхъ высшаго церковнаго учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляя своихъ прежнихъ заботъ о ввѣренныхъ ихъ попеченію епархіяхъ и монастыряхъ, почему Синодъ и признаетъ справедливымъ и безусловно необходимымъ не включать епархіальныхъ доходовъ въ счетъ правительственнаго жалованья [1]).

Цитируемый документъ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на то, какъ отнеслась верховная власть къ конфликту, происшедшему между высшимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ и представителемъ личнаго начала въ церковномъ управленіи, но, на основаніи знакомства съ многочисленными аналогичными дѣлами синодальнаго архива, можно съ увѣренностью предполагать, что протестъ оберъ-прокурора остался безъ должныхъ практическихъ послѣдствій и вызвалъ со стороны Синода только одно письменное объясненіе тѣхъ мотивовъ, которые побудили его сдѣлать постановленіе, опротестованное прокурорскимъ надзоромъ. Такое предположеніе непосредственно вызывается самымъ фактомъ молчанія разсматриваемаго документа о судьбѣ оберъ-прокурорскаго требованія послѣ „ремонстраціи“ св. Синода, такъ какъ въ томъ случаѣ, если бы протестъ Болтина встрѣтилъ открытое сочув-

[1]) Тамъ же, стр. 137.

ствіе и поддержку со стороны государя, синодальное дѣло „о выдачѣ членамъ и прочимъ чинамъ Синода жалованья на 1721 и слѣдующіе годы“ не могло бы не упомянуть о результатахъ оберъ-прокурорскаго протеста.

Разсмотрѣнное дѣло синодальнаго архива является довольно типичнымъ и характернымъ для опредѣленія того положенія, въ какое были поставлены въ св. Синодѣ первые оберъ-прокуроры, юридически надѣленные обширными правами и полномочіями, но фактически не имѣвшіе возможности оказывать дѣйствительнаго и сильнаго вліянія на коллегіальное учрежденіе въ тѣхъ разнообразныхъ случаяхъ, когда имъ приходилось въ своей дѣятельности затрогивать существенные интересы Синода или даже отдѣльныхъ его членовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своего неудачнаго и безуспѣшнаго протеста противъ синодальнаго опредѣленія о полученіи полнаго жалованья за 1721 годъ [1]) оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе св. Синода на незаконность постановленія [2]) о заимообразной выдачѣ денегъ одному изъ его членовъ, архіепископу псковскому Ѳеофану. Основываясь на Высочайшемъ указѣ, запрещавшемъ давать взаймы казенныя деньги, и указывая на продолжительный срокъ уплаты долга и возможность неожиданной смерти должника, Болтинъ предложилъ Синоду немедленно же возвратить въ казну всѣ деньги, выданныя его преосвященству [3]).

Въ первое время, подъ вліяніемъ обоснованія оберъ-прокурорскаго протеста на Высочайшемъ запрещеніи давать взаймы казенныя деньги, Синодъ постановилъ [4]) немедленно взыскать долгъ съ своего члена, не дожи-

---

[1]) 1 февраля 1723 года.

[2]) 10 октября 1722 года.

[3]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. II, ч. II, № 1,048.

[4]) 11 марта 1723 года.

даясь наступленія прежде опредѣленнаго срока, но когда архіепископъ Ѳеофанъ рѣшительно заявилъ, что не только не имѣетъ никакой возможности такъ скоро выплатить занятой имъ крупной денежной суммы, но и поставленъ въ печальную необходимость дѣлать новые долги, о чемъ уже онъ и довелъ до свѣдѣнія государя, то Синодъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ требованію Болтина и поставилъ дѣло такимъ образомъ, что его протестъ остался безъ послѣдствій. Представивъ [1]) въ Императорскій Кабинетъ, бывшій при Петрѣ личной канцеляріей самого государя, особый докладъ о предложеніи оберъ-прокурора и несостоятельности должника, св. Синодъ, къ тому времени уже успѣвшій испытать на себѣ непріятныя послѣдствія прокурорскаго надзора и вставшій въ оппозиціонныя отношенія къ Болтину изъ-за извѣстнаго вопроса о возвращеніи излишняго жалованья за 1721 годъ, отмѣнилъ свое прежнее постановленіе и опредѣлилъ пріостановить взысканіе денегъ до полученія Высочайшей резолюціи. Но такъ какъ такой резолюціи не послѣдовало за все время пребыванія въ должности перваго представителя личнаго начала въ церковномъ управленіи [2]), то высшее коллегіальное учрежденіе и не считало себя обязаннымъ исполнить требованіе оберъ-прокурора, хотя Болтинъ нѣсколько разъ возобновлялъ его.

Оказываясь фактически безсильнымъ настоять на исполненіи своихъ предложеній, основанныхъ на требованіи дѣйствовавшихъ законовъ, но не совпадавшихъ съ интересами синодальныхъ членовъ, оберъ-прокуроръ

---

[1]) 26 октября 1723 года.

[2]) Резолюція: „вышеупомянутыхъ денегъ на Ѳеофанѣ архіепископѣ новгородскомъ взыскивать не велите“ была получена Синодомъ 3 ноября 1725 года, т. е. въ такое время, когда уже Болтинъ былъ замѣненъ новымъ оберъ-прокуроромъ, Баскаковымъ. (Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. II, ч. II, № 1,048, стр. 334).

не всегда даже, въ такихъ случаяхъ, долженъ былъ считаться съ правомъ Синода обращаться за разрѣшеніемъ недоразумѣній непосредственно къ самой верховной власти. Иногда предложенія Болтина оставлялись безъ исполненія просто потому, что не разсматривались св. Синодомъ и не вызывали съ его стороны никакого опредѣленія.

Однимъ изъ своихъ постановленій, опубликованныхъ по духовному вѣдомству, Синодъ опредѣлилъ, чтобы всѣ подчиненныя ему учрежденія въ своихъ доношеніяхъ высшему органу церковнаго управленія не ограничивались только простымъ изложеніемъ извѣстнаго дѣла, а обязательно бы выписывали „приличные указы“ и высказывали свое собственное, въ достаточной степени мотивированное мнѣніе по возбужденному вопросу. Между тѣмъ, 12 ноября 1724 года московская духовная дикастерія прислала въ Синодъ доношеніе по дѣлу, возбужденному стряпчимъ Саввою Волчковымъ, и приложила къ нему только одну простую копію съ челобитной Волчкова и съ допроса бѣглаго ученика математической школы Паисія, не сдѣлавъ никакихъ выписокъ изъ дѣйствующихъ законовъ и не высказавъ своего мнѣнія по данному вопросу. Синодъ, постановившій не только не подавать подобныхъ доношеній, но и не принимать ихъ, какъ видно, уже не относился съ законною строгостью къ нарушавшимъ его опредѣленіе и, оставивъ безъ должныхъ послѣдствій неправильный поступокъ московской консисторіи, принялъ ея донесеніе, чѣмъ, конечно, нарушилъ свой собственный указъ. Оберъ-прокуроръ, обративъ вниманіе Синода на явное нарушеніе требованій закона, предложилъ ему оштрафовать московскую дикастерію и послать особое лицо для взысканія наложеннаго штрафа, чтобы и другія церковныя учрежденія опасались поступать своевольно и не исполнять синодальныхъ опредѣленій. Но предложеніе Болтина, косвеннымъ образомъ обвинявшаго въ незаконномъ поступкѣ и самый высшій органъ церковнаго управленія,

должно было испытать очень печальную судьбу; оно не повело за собой никакихъ непріятныхъ послѣдствій для провинившейся дикастеріи по той чрезвычайно простой причинѣ, что совсѣмъ и не разсматривалось св. Синодомъ [1]).

Встрѣчая открытое или пассивное противодѣйствіе своимъ предложеніямъ со стороны членовъ св. Синода, Болтинъ не пользовался должнымъ авторитетомъ даже и среди простыхъ синодальныхъ чиновниковъ, поставленныхъ инструкціей подъ дирекцію оберъ-прокурора [2]). Можно думать, что, при существовавшихъ въ то время отношеніяхъ представителей двухъ противоположныхъ началъ въ церковномъ управленіи, нѣкоторые чиновники синодальняго вѣдомства имѣли достаточныя основанія разсчитывать, въ извѣстныхъ случаяхъ, на заступничество Синода, почему иногда и держали себя довольно независимо по отношенію къ своему оберъ-прокурору.

31 января 1724 года Болтинъ приказалъ секретарю синодальной канцеляріи Тишину лично сообщить каждому члену св. Синода о настоятельной необходимости прислать прокуратурѣ точныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ, получаемыхъ изъ епархій и монастырей, чтобы, согласно съ Высочайшимъ указомъ, зачислять ихъ въ опредѣленный окладъ правительственнаго жалованья, назначеннаго синодальнымъ членамъ; распорядившись отобрать нужныя свѣдѣнія у засѣдавшихъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи архіереевъ и архимандритовъ, оберъ-прокуроръ приказалъ Тишину въ тотъ же день явиться къ нему на квартиру съ письменнымъ докладомъ по данному дѣлу. Но секретарь позволилъ себѣ критически отнестись къ распоряженію Болтина и, побывавъ только у нѣкоторыхъ членовъ Синода, разсудилъ, что ему нѣтъ никакой необходимости являться съ докладомъ въ оберъ-прокурорскій домъ, такъ какъ данное ему порученіе, безъ сомнѣнія, дѣло канцеляр-

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Син. т. IV, № 501.

[2]) П. С. З. т. VI, № 4,036, п. 5.

ское, а не домашнее. Оскорбленный оберъ-прокуроръ хотѣлъ было должнымъ образомъ наказать строптиваго, непочтительнаго чиновника, поручивъ оберъ-секретарю арестовать Тишина и отослать его въ синодальную канцелярію подъ караулъ. Хотя оберъ-секретарь и исполнилъ порученіе своего начальника, но отослалъ виновнаго въ Синодъ при шпагѣ, и здѣсь арестованный, не смотря на всѣ требованія дежурнаго капрала, обнаружилъ рѣшительное нежеланіе разстаться съ своимъ оружіемъ, заявивъ, что простой капралъ не имѣетъ права снимать съ него шпаги.

Увидя свое безсиліе собственною властью расправиться съ непослушнымъ секретаремъ и поставить его въ должныя отношенія къ себѣ, оберъ-прокуроръ предложилъ Синоду обсудить поступки Тишина и, заявивъ, что, при существованіи такихъ чиновниковъ, онъ не имѣетъ никакой возможности успѣшно выполнять Высочайше порученнаго ему дѣла, потребовалъ у Синода „сатисфакціи о непослушаніи и противности“ дерзкаго чиновника [1]).

Для насъ представляютъ значительный интересъ самыя объясненія, данныя Тишинымъ по поводу происшедшаго инцидента; они могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ тѣмъ фактическимъ отношеніямъ, какія существовали въ первое время между оберъ-прокуроромъ и синодальными служащими, подчиненными, по смыслу инструкціи, оберъ-прокурорской власти. Призванный къ допросу, провинившійся секретарь объяснилъ св. Синоду, что приказаніе оберъ-прокурора отобрать свѣдѣнія у синодальныхъ членовъ о получаемыхъ ими доходахъ было исполнено, не смотря на то, что выполненіе подобныхъ порученій не входитъ въ кругъ секретарскихъ обязанностей; правда, онъ доложилъ Болтину о полученныхъ свѣдѣніяхъ уже на другой день и притомъ въ помѣщеніи канцеляріи, но

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. IV, № 50, стр. 55.

являться съ своимъ докладомъ въ оберъ-прокурорскій домъ онъ и не считалъ себя обязаннымъ, такъ какъ „то дѣло канцелярское, а не домовное, и никакого въ томъ предъ оберъ-прокуроромъ непослушанія не было“. Самый арестъ былъ произведенъ оберъ-секретаремъ незаконно, по простому письму оберъ-прокурора, безъ доклада св. Синоду; своей шпаги арестованный секретарь не отдалъ дежурному капралу на томъ основаніи, что, если бы даже онъ и дѣйствительно совершилъ какое-нибудь преступленіе, то его шпагу слѣдовало бы снять по синодальному опредѣленію, или хотя бы и по оберъ-прокурорскому приказу, но во всякомъ случаѣ не простому солдату, а офицеру, такъ какъ онъ, Тишинъ, подобно сенатскимъ секретарямъ, имѣетъ майорскій рангъ и не можетъ отдать своей шпаги простому капралу безъ всякаго указа и „безъ высшихъ командировъ“. Никакого непослушанія и никакихъ дерзостей предъ оберъ-прокуроромъ онъ никогда не позволялъ себѣ и не намѣренъ позволять, если же Болтинъ требуетъ сатисфакціи, то и обвиняемый, съ своей стороны, проситъ у Синода безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла, потому что самое порученіе незаконно было возложено на него оберъ-прокуроромъ. Въ доказательство своихъ правъ не исполнять нѣкоторыхъ распоряженій оберъ-прокурора, Тишинъ ссылался на Адмиралтейскій Регламентъ, утверждая, что, по данному регламенту, оберъ-секретарь и секретари должны быть послушны прокурору только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній приказываетъ имъ или произвести извѣстныя выписки, или показать какія-либо дѣла; для всевозможныхъ же сообщеній членамъ Синода или различнымъ присутственнымъ мѣстамъ, по мнѣнію Тишина, обоснованному на 46 главѣ Генеральнаго Регламента, существуютъ низшіе служители. Оправдывая свой поступокъ и обвиняя въ превышеніи власти самого оберъ-прокурора, Тишинъ стремился въ своемъ объясненіи затронуть и интересы св. Синода, представляя свой арестъ, произведенный безъ синодальнаго опредѣленія, по одному

оберъ-прокурорскому приказу, какъ несомнѣнное проявленіе пренебреженія Болтина къ законнымъ правамъ высшаго коллегіальнаго учрежденія [1]).

Къ сожалѣнію, архивный документъ не заключаетъ въ себѣ прямыхъ и положительныхъ указаній на то, чѣмъ кончилось интересное дѣло, вызванное своевольнымъ поступкомъ синодальнаго секретаря, и какъ отнесся Синодъ къ требованію своего оберъ-прокурора и объясненію Тишина; онъ только оставляетъ мѣсто весьма вѣроятному предположенію, что отсутствіе рѣшенія въ разсмотрѣнномъ „дѣлѣ“ обусловливалось тѣмъ, что его совсѣмъ не существовало и въ дѣйствительности. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и невозможнаго, что высшее коллегіальное учрежденіе, находившееся уже въ довольно обостренныхъ отношеніяхъ съ представителемъ личнаго начала въ церковномъ управленіи, не чувствовало особеннаго желанія удовлетворять требованіе оберъ-прокурора, но такъ какъ сдѣлать это открыто, въ формѣ опредѣленнаго постановленія, оправдывавшаго дѣйствія синодальнаго секретаря, было во многихъ отношеніяхъ неудобно, то оно и оставило безъ всякаго рѣшенія начавшееся дѣло. Такія явленія нерѣдко имѣли мѣсто въ практикѣ синодальнаго дѣлопроизводства, и въ архивѣ св. Синода находится не мало документовъ, гдѣ можно видѣть, какъ иногда какой-либо оберъ-прокуроръ вносилъ свое предложеніе на обсужденіе Синода, настойчиво возобновлялъ его въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и, не смотря на всѣ свои усилія, достигалъ только того, что рѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса, подъ различными предлогами, откладывалось до будущаго собранія, и такимъ образомъ, оберъ-прокурорское предложеніе оставлялось безъ соотвѣтствующаго синодальнаго постановленія. По крайней мѣрѣ, Тишинъ, оказавшій неповиновеніе оберъ-прокурору, и послѣ своего рѣзкаго объясненія, которое, конечно, должно было еще сильнѣе оскорбить

[1]) Тамъ же, стр. 56—57.

Болтина, по прежнему продолжалъ исполнять должность синодальнаго секретаря, и чрезъ нѣсколько времени мы видимъ, что оберъ-прокуроръ уже по другому дѣлу предлагалъ Синоду оштрафовать секретаря Тишина и взыскать съ него пошлины за то, что онъ незаконно принялъ на разсмотрѣніе искъ крестьянина Бочагова [1]).

Но не будемъ злоупотреблять предположеніями, хотя бы они и представлялись очень вѣроятными; разсмотрѣнный документъ заключаетъ въ себѣ достаточное количество и положительныхъ, фактическихъ данныхъ, имѣющихъ важное значеніе для уясненія и правильнаго пониманія того положенія, какое первоначально занималъ въ коллегіальномъ учрежденіи представитель личнаго начала въ церковномъ управленіи. Уже одинъ характеръ отношеній второстепеннаго синодальнаго чиновника къ приказаніямъ Болтина и все объясненіе, данное Тишинымъ св. Синоду, достаточно ясно говорятъ, какъ незначительно было вліяніе оберъ-прокурора на самое коллегіальное учрежденіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ подобныя явленія были бы совершенно немыслимы. Это вліяніе было настолько ничтожно, что оберъ-прокуроръ не имѣлъ даже возможности собственными средствами наказать провинившагося секретаря, хотя послѣдній, въ силу инструкціи, и былъ подчиненъ его власти; такое явленіе, безъ сомнѣнія, обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что виновный чиновникъ состоялъ въ то же время въ вѣдѣніи коллегіальнаго учрежденія, почему Болтинъ и былъ поставленъ въ непріятную необходимость обратиться къ нему съ извѣстнымъ требованіемъ „сатисфакціи“. Не менѣе характерно и отношеніе Синода къ „требованію“ оберъ-прокурора; Синодъ, видимо, не придавалъ должнаго значенія показаніямъ Болтина о непослушаніи и „противности“ подчиненнаго ему секретаря и не спѣшилъ удовлетворить оскорбленное

[1]) Тамъ же, № 94.

самолюбіе оберъ-прокурора; напротивъ, онъ началъ формальное судебное слѣдствіе съ неизбѣжнымъ допросомъ и объясненіями обвиняемаго и тѣмъ самымъ какъ бы поставилъ въ положеніе подсудимаго и самого обвинителя—оберъ-прокурора Болтина.

Незначительность и слабость фактическаго вліянія оберъ-прокурора на высшее коллегіальное учрежденіе, обусловливавшія собою возможность такихъ явленій, какъ открытое неповиновеніе синодальныхъ чиновниковъ своему законному начальнику, не могли не отразиться и на положеніи, непосредственно подчиненныхъ Болтину, низшихъ органовъ прокураторы, поставленныхъ верховною властью въ такія же отношенія къ второстепеннымъ синодальнымъ учрежденіямъ, какія были установлены инструкціей между самимъ оберъ-прокуроромъ и св. Синодомъ. Въ 1723 году синодальный оберъ-прокуроръ получилъ доношеніе отъ Раевскаго, исполнявшаго обязанности прокурора въ московской духовной дикастеріи; въ своемъ доношеніи Раевскій сообщалъ Болтину, что въ октябрѣ 1723 года онъ принужденъ былъ сдѣлать московской духовной дикастеріи предложеніе о пересмотрѣ двухъ неправильно рѣшенныхъ дѣлъ, но члены московскаго синодальнаго учрежденія не признали за нимъ права обращаться къ дикастеріи съ подобными предложеніями и рѣшительно отказались отъ исполненія требованій прокурорской власти. Прокуроръ продолжалъ энергично настаивать на своемъ требованіи, но когда, послѣ двухъ безрезультатныхъ письменныхъ предложеній, онъ лично явился въ дикастерію, то предсѣдательствовавшій въ ней, синодальный совѣтникъ, архіепископъ Леонидъ, выслушавъ его желаніе, открыто заявилъ предъ всѣмъ собраніемъ членовъ, „чтобы впредь онъ, Раевскій прокуроръ, и въ дикастерію не приходилъ“ [1])...

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 536, стр. 561—562.

Получивъ донесеніе Раевскаго и лично убѣдившись, на основаніи представленныхъ имъ экстрактовъ изъ дѣлъ, рѣшенныхъ дикастеріей, въ дѣйствительномъ нарушеніи требованій закона московскимъ синодальнымъ органомъ, Болтинъ сдѣлалъ вполнѣ правильное, логичное заключеніе, что въ столкновеніи Раевскаго съ преосвященнымъ Леонидомъ нарушены права и затронута честь его, оберъ-прокурора, и предложилъ св. Синоду произвести разслѣдованіе даннаго дѣла, чтобы „прокурорскому чину напраснаго уничиженія не было". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Болтинъ обратилъ вниманіе Синода на то, что и другое учрежденіе — московская синодальная канцелярія нарушаетъ его оберъ-прокурорскія права, такъ какъ самостоятельно награждаетъ чинами своихъ служащихъ и назначаетъ новыхъ чиновниковъ.

Хотя Синодъ и исполнилъ предложеніе оберъ-прокурора, опредѣливъ произвести тщательное и справедливое разслѣдованіе дѣла, но члены московской духовной дикастеріи, позволившіе себѣ, въ довольно рѣзкой формѣ, нарушить права и полномочія оберъ-прокуроской власти, не были признаны виновными, такъ какъ слѣдствіе установило, что во время столкновенія съ Раевскимъ они не имѣли отъ Синода никакого указа, который бы обязывалъ ихъ принимать прокурорскія предложенія о перерѣшеніи дѣлъ, уже разсмотрѣнныхъ дикастеріей [1]). Изъ цитируемаго документа не видно, какъ отнеслось высшее коллегіальное учрежденіе къ нарушенію оберъ-прокурорскихъ правъ со стороны московской синодальной канцеляріи; можно только догадываться, что оно нашло возможнымъ ограничиться однимъ запросомъ, сдѣланнымъ канцеляріи, и разсмотрѣніемъ полученныхъ отъ нея оправдательныхъ объясненій, такъ какъ, по словамъ обвинявшагося учрежденія, самовольное распоряженіе служащими, вызываясь крайнею и безотлагательною необходимостью въ увеличеніи чиновничьяго персонала, въ то же время нисколько не противорѣчило

[1]) Тамъ же, стр. 55б.

й той инструкціи, какая была дана ему самимъ же св. Синодомъ [1]).

Не смотря на то, что Болтинъ, въ доказательство неправильности самостоятельныхъ распоряженій московской канцеляріи, игнорировавшей оберъ-прокурорскія права, имѣлъ вполнѣ законныя основанія сослаться на 4-й пунктъ данной ему инструкціи, гдѣ оберъ-прокурору повелѣвалось держать въ своей дирекціи синодальную канцелярію и ея служителей [2]), Синодъ далеко не охотно предоставлялъ оберъ-прокурору фактическую возможность пользоваться принадлежавшими ему правами и распоряжаться по собственному усмотрѣнію канцелярскими чиновниками. Мы уже видѣли, какъ онъ отнесся къ требованію оберъ-прокурора наказать синодальнаго секретаря, не признававшаго авторитета за прокурорской властью и не считавшаго себя обязаннымъ въ точности исполнять всѣ приказанія Болтина; знаемъ также, что практиковавшійся въ московской духовной канцеляріи порядокъ назначенія и награжденія служащихъ, нарушавшій права и полномочія оберъ-прокурора, нисколько не противорѣчилъ инструкціи, данной канцеляріи св. Синодомъ. Но высшій коллегіальный органъ церковнаго управленія не ограничивался только одними косвенными мѣрами, препятствовавшими развитію оберъ-прокурорскаго вліянія на синодальныхъ чиновниковъ; онъ обнаруживалъ явныя стремленія поставить въ непосредственную, ближайшую фактическую зависимость отъ себя всѣхъ служащихъ по духовному вѣдомству, не исключая и лицъ, находившихся на службѣ у самого оберъ-прокурора, такъ что Болтинъ принужденъ былъ доказывать предъ Синодомъ даже законность своего права представлять къ наградамъ тѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ, которые состояли въ его собственной конторѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 566.

[2]) Тамъ же, стр. 564.

Предлагая высшему коллегіальному органу церковнаго управленія наградить или повысить чиномъ копіиста Матвѣева, оберъ-прокуроръ доказывалъ законность подобнаго предложенія ссылками на 50-ю главу Генеральнаго Регламента и 110-ю главу Регламента адмиралтейской коллегіи; въ первой изъ нихъ въ общихъ выраженіяхъ говорилось о необходимости поощрять наградами лучшихъ служителей, а во второй— вмѣнялось „командирамъ“ въ непремѣнную обязанность представлять къ наградамъ наиболѣе достойныхъ подчиненныхъ. Правда, Синодъ исполнилъ предложеніе Болтина и повысилъ въ чинѣ копіиста Матвѣева, постановивъ опредѣлить его подканцеляристомъ въ ту же контору оберъ-прокурорскихъ дѣлъ, но, въ данномъ случаѣ, для насъ имѣетъ очень важное значеніе не самый фактъ исполненія оберъ-прокурорскаго предложенія, а тотъ путь, какимъ Синодъ нашелъ нужнымъ придти къ своему рѣшенію, удовлетворившему желаніе Болтина. Члены коллегіальнаго учрежденія не ограничились одной оберъ-прокурорской рекомендаціей представленнаго къ наградѣ копіиста, но признали необходимымъ отобрать еще свѣдѣнія объ его достоинствахъ отъ своихъ синодальныхъ чиновниковъ: протоколиста, актуаріуса, регистратора и канцеляристовъ. И только уже послѣ того, какъ всѣ синодальные служащіе на предложенный имъ вопросъ: достоинъ ли копіистъ Матвѣевъ производства въ подканцеляристы— дали свой благопріятный отвѣтъ: „достоинъ, если св. Синодъ соизволитъ“, предложеніе оберъ-прокурора было исполнено [1]). Едва ли будетъ произвольнымъ предположеніе, что такою постановкой дѣла награжденія канцелярскихъ чиновниковъ Синодъ имѣлъ намѣреніе въ значительной степени парализовать вліяніе оберъ-прокурора на подчиненныхъ ему служащихъ.

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда канцелярскіе чиновники позволяли себѣ явное нарушеніе требованій

[1]) Тамъ же, № 585.

закона и неаккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей сильно тормозили успѣшный ходъ синодальнаго дѣлопроизводста, Болтинъ получалъ возможность фактически пользоваться оберъ-прокурорскими правами, но и то не путемъ непосредственнаго воздѣйствія на состоявшихъ „въ его дирекціи синодскихъ служителей“, а чрезъ посредство высшаго коллегіальнаго органа церковнаго управленія. Изъ предложенія, даннаго Болтинымъ св. Синоду 2 декабря 1724 года [1]), видно, что чиновники синодальной канцеляріи позволяли себѣ довольно открыто манкировать своими служебными обязанностями и обнаруживали значительную неисправность и крайнюю медленность въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ; оберъ-прокуроръ давалъ имъ соотвѣтствующія указанія, но его собственныя мѣры, какъ нужно думать на основаніи разсматриваемаго документа, оказывались безсильными установить въ канцеляріи правильное отправленіе дѣлопроизводства, такъ какъ синодальные служащіе отговаривались „многодѣліемъ“ и, повидимому, не придавали должнаго значенія оберъ-прокурорскимъ замѣчаніямъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Болтина, дѣйствительныя причины неисправности синодальной канцеляріи заключались не въ многочисленности и разнообразіи поручаемыхъ ей дѣлъ, а въ непозволительной неаккуратности самихъ канцелярскихъ чиновниковъ; послѣдніе, по его словамъ, являлись въ присутственное мѣсто не въ часы, опредѣленные Регламентомъ, а чрезвычайно поздно, ихъ же ближайшіе начальники: секретари и оберъ-секретарь и сами не отличались особеннымъ рвеніемъ къ службѣ, да мало наблюдали и за своими подчиненными. Неудивительно, что, при существованіи подобныхъ порядковъ или, вѣрнѣе, безпорядковъ, дѣла въ синодальной канцеляріи оказались чрезвычайно запущенными; многія предложенія самого оберъ-прокурора, а также вѣдѣнія, сооб-

[1]) Полное Собраніе Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп. Т. IV, № 1,428.

щенныя изъ Сената, остались не представленными на разсмотрѣніе Синода, не было произведено обязательной записи различныхъ указовъ, по чему-либо не исполненныхъ подчиненными лицами и присутственными мѣстами, оказался не отосланнымъ требуемый Сенатомъ реестръ сообщенныхъ ему вѣдѣній. Въ виду такого нежелательнаго отношенія канцелярскихъ чиновниковъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, оберъ-прокуроръ и принужденъ былъ обратиться за содѣйствіемъ къ св. Синоду и предложилъ ему приказать оберъ-секретарю и секретарямъ, чтобы они внимательнѣе наблюдали за своими подчиненными и, ежедневно пріѣзжая въ канцелярію въ узаконенные часы, сами бы во всемъ поступали сообразно съ требованіями Регламента.

Хотя предложеніе Болтина было въ точности исполнено правительствующимъ Синодомъ, постановившимъ даже ввести на будущее время правильныя записи секретарскихъ пріѣздовъ и отъѣздовъ, но, безъ сомнѣнія, подобный фактъ ничего не говоритъ о вліяніи оберъ-прокурорской власти на высшій органъ церковнаго управленія, такъ какъ самое предложеніе представителя личнаго начала въ коллегіальномъ учрежденіи, вызываясь явнымъ неисполненіемъ требованій закона со стороны синодальныхъ чиновниковъ, въ то же время нисколько не нарушало интересовъ св. Синода. Напротивъ, безпорядочное веденіе канцелярскаго дѣлопроизводства не могло не отражаться неблагопріятнымъ образомъ и на интерасахъ коллегіальнаго учрежденія, почему оно такъ охотно и исполнило предложеніе своего оберъ-прокурора. Замѣчательно, что, когда Болтинъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія накопившихся дѣлъ, предложилъ самому Синоду имѣть ежедневныя засѣданія до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшена вся масса залежавшихся прошеній и доношеній, давно уже ожидавшихъ синодской резолюціи, высшій органъ церковнаго управленія нашелъ невозможнымъ осуществить мысль оберъ-прокурора и отклонилъ его пред-

ложеніе, ссылаясь на различныя обстоятельства, упущенныя изъ вниманія Болтинымъ [1]).

Ничтожное фактическое вліяніе на высшее коллегіальное учрежденіе со стороны оберъ-прокурорской власти, юридически надѣленной обширными правами и полномочіями, обусловливалось разнообразными причинами и, между прочимъ, находилось въ извѣстной связи съ тѣмъ, болѣе чѣмъ незавиднымъ, матеріальнымъ положеніемъ, въ какое были поставлены верховною властью первые представители государства въ синодальномъ управленіи. Въ то время, какъ даже подчиненные оберъ-прокурору канцелярскіе чиновники получали вполнѣ опредѣленное и довольно значительное жалованье (оберъ-секретарь 1,200, а секретари по 440 рублей въ годъ), Болтинъ въ первые годы своей новой службы принужденъ былъ довольствоваться старымъ полковничьимъ окладомъ въ 300 рублей, изъ которыхъ еще велѣно было вычитать четвертую часть положеннаго жалованья. Не получая никакого вознагражденія за синодальную службу и чувствуя крайнюю нужду въ денежныхъ средствахъ, оберъ-прокуроръ не имѣлъ возможности найти желательный выходъ изъ своего тяжелаго экономическаго положенія въ непосредственномъ обращеніи къ одной верховной власти, такъ какъ поданная имъ на имя государя челобитная [2]) о назначеніи добавочнаго жалованья осталась безъ должныхъ послѣдствій; въ распоряженіи Болтина находилось еще другое средство—помощь и содѣйствіе самого св. Синода. Правда, подобное средство, можетъ быть, и представлялось очень непріятнымъ оберъ-прокурору, но печальная необходимость заставила его обратиться къ коллегіальному учрежденію и уже, конечно, не съ „предложеніемъ“, а съ простымъ, обыкновеннымъ, прошеніемъ, имѣющимъ мѣсто въ отношеніяхъ низшихъ лицъ къ высшимъ.

---

[1]) Тамъ же, т. V, № 1,518.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Син. т. III, № 548.

Такой характеръ смиреннаго прошенія, безъ сомнѣнія, носитъ доношеніе Болтина, представленное усмотрѣнію св. Синоду 16 декабря 1723 года [1]); „билъ челомъ я Его Императорскому Величеству“, писалъ оберъ-прокуроръ, „а вашему святѣйшеству подалъ *челобитную* о своей скудости, о награжденіи Его Императорскаго Величества жалованьемъ противъ своей братьи, какъ въ томъ челобитьѣ моемъ показано,—и по тому моему челобитью *прошу*, чтобъ ваше святѣйшество благоволили сообщить вѣдѣніе правительствующему Сенату, дабы за вашимъ предстательствомъ по тому моему челобитью милостивое разсмотрѣніе учинили“. Синодъ, уже испытавшій большія неудовольствія изъ-за извѣстнаго намъ протеста Болтина по поводу полученія синодальными членами полнаго жалованья за весь 1721 годъ, какъ видно, не спѣшилъ „предстательствовать“ за обдѣленнаго оберъ-прокурора, такъ какъ упоминаемая въ прошеніи челобитная была подана еще 4 ноября 1723 года [2]), и Болтинъ, не дождавшись никакой резолюціи, долженъ былъ снова возбудить старый вопросъ о прибавочномъ жалованьи. Указывая на приличные размѣры добавочнаго вознагражденія своимъ сверстникамъ, одновременно съ нимъ назначеннымъ на гражданскую службу, и на крайнюю недостаточность одного полковничьяго оклада, онъ просилъ „для его скудости, Его Императорскаго Величества милостію наградить“. И только послѣ представленія второго прошенія Синодъ, наконецъ, принялъ участіе въ незавидномъ экономическомъ положеніи Болтина и постановилъ сообщить правительствующему Сенату свое мнѣніе о необходимости назначить оберъ-прокурору добавочное жалованье за его службу по духовному вѣдомству. Но такъ какъ постановленіе Си-

---

[1]) Полное Собраніе Постан. и Расп. по вѣд. пр. испов. т. IV, № 1,160.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

нода, вслѣдствіе медленности сенатскаго дѣлопроизводства, долгое время не сопровождалось никакими практическими результатами, благопріятными для оберъ-прокурорскихъ интересовъ, то Болтинъ 9 сентября 1724 г. еще разъ обратился къ коллегіальному органу церковнаго управленія съ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ выдать ему, по крайней мѣрѣ, какое либо вознагражденіе изъ особыхъ неокладныхъ доходовъ, находившихся въ исключительномъ вѣдѣніи одного св. Синода. „На 1724 годъ", писалъ въ своемъ прошеніи Болтинъ [1]), „жалованья и донынѣ ничего не получилъ; а и на прошлой годъ жалованье, хотя я рангъ полковничей и оберъ-прокурорской имѣю, за вычетомъ четвертой части, получилъ только 225 рублевъ. Къ тому-жъ необходимую и крайнюю въ строеніи по Его Императорскаго Величества указу на Васильевскомъ острову двора имѣю нужду и исправиться въ томъ строеніи не вѣмъ чѣмъ, отчего опасенъ лишенія своихъ (хотя и малое число имѣю) деревнишекъ, дабы въ крайнюю нищету не пріитить". Выставивъ на видъ свое безвыходное матеріальное положеніе, оберъ-прокуроръ указалъ Синоду на возможность, и безъ предварительнаго соглашенія съ Сенатомъ, наградить его извѣстной суммой денегъ изъ наличныхъ неокладныхъ доходовъ и „всепокорнѣйше просилъ", чтобы поданное имъ заявленіе не было оставлено безъ вниманія.

Просьба Болтина была уважена Синодомъ, но подобное обстоятельство не могло, конечно, уничтожить тяжелой экономической зависимости представителя государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи отъ высшаго коллегіальнаго учрежденія, такъ какъ синодальное постановленіе о выдачѣ оберъ-прокурору 300 рублей въ награду за всю его уже довольно продолжительную службу [2]) имѣло характеръ только временной, случайной мѣры и нисколько не избавляло необезпечен-

[1]) Тамъ же, т. IV, № 1,376.

[2]) Тамъ же, стр. 222.

наго въ матеріальномъ отношеніи оберъ-прокурора отъ необходимости въ недалекомъ будущемъ вновь обращаться за содѣйствіемъ и помощью къ тому же св. Синоду. И дѣйствительно, мы видимъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія денежнаго вознагражденія нужда снова заставила Болтина поставить себя въ нежелательныя отношенія къ коллегіальному органу церковнаго управленія [1]). 19 февраля 1725 года оберъ-прокуроръ, еще не получившій казеннаго жалованья за прошедшій 1724 годъ, подалъ въ правительствующій Синодъ новое прошеніе, гдѣ обращалъ его вниманіе на возможность одной комбинаціи, способной временно вывести Болтина изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія. Но Синодъ на просьбу оберъ-прокурора выдать ему, въ зачетъ заслуженнаго жалованья, какую-либо сумму денегъ изъ наличной синодальной казны отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, сославшись на то, что всѣ чиновники должны получать свое жалованье изъ штатсъ-конторы.

Не трудно представить себѣ, какъ должно было отражаться такое необезпеченное матеріальное положеніе оберъ-прокурора на характерѣ его отношеній къ высшему коллегіальному учрежденію. Ничтожные размѣры и своеобразныя условія полученія жалованья создавали для Болтина тяжелую необходимость довольно часто обращаться къ Синоду или за благосклоннымъ содѣйствіемъ, или прямо за матеріальной помощью, и заставляли его постоянно чувствовать себя въ сильной экономической зависимости отъ коллегіальнаго учрежденія; наличность же подобныхъ неблагопріятныхъ условій нерѣдко не могла не парализовать самой возможности значительнаго вліянія представителя верховной власти на коллегіальный органъ церковнаго управленія, такъ какъ оберъ-прокуроръ, при всѣхъ своихъ обширныхъ правахъ и полномочіяхъ, предоставленныхъ

---

[1]) Тамъ же, т. V, № 1,479.

ему Высочайшей инструкціей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, невольно долженъ былъ считаться съ опасностью возстановить противъ себя членовъ св. Синода.

Въ ряду разнообразныхъ причинъ, обусловливавшихъ собою незначительность оберъ-прокурорскаго вліянія на высшее коллегіальное церковное учрежденіе, самое важное и видное мѣсто принадлежало, существовавшему въ первое время, крайне неопредѣленному характеру отношеній къ верховной власти ея оффиціальнаго представителя въ синодальномъ управленіи. По идеѣ преобразователя, положенной въ основу организаціи института прокуратуры, въ лицѣ синодальнаго оберъ-прокурора должна была устанавливаться ближайшая и непосредственная связь между самодержавной властью и однимъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій; подобная же связь, по мысли инструкціи, должна была поддерживаться постоянными наблюденіями за дѣятельностью Синода со стороны представителя государственныхъ интересовъ и его непосредственными сообщеніями верховной власти результатовъ своихъ наблюденій. Естественно было бы ожидать, что реформаторъ, называвшій оберъ-прокурора „государевымъ окомъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“ и видѣвшій въ немъ живой и личный органъ, устанавливавшій ближайшую и непосредственную связь между монархомъ и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, сдѣлаетъ изъ него главнаго и даже единственнаго посредника въ своихъ сношеніяхъ съ св. Синодомъ.

Въ дѣйствительности, однако же, ничего подобнаго не случилось, такъ какъ Высочайшая инструкція, данная оберъ-прокурору, только въ зародышѣ заключала въ себѣ мысль о представителѣ личнаго начала въ коллегіальномъ учрежденіи, какъ о посредникѣ въ сношеніяхъ верховной власти съ св. Синодомъ, но совершенно не развивала, не регламентировала ее. Характеристическая черта Петровской эпохи, не обнаруживавшей особенной склонности къ точной регламентаціи, а, по большей части, высказывавшей лишь

главную, существенную мысль, намѣчавшей самыя основанія для извѣстнаго правительственнаго мѣропріятія и затѣмъ спокойно предоставлявшей времени выяснять все неопредѣленное, довольно замѣтно отразилась и въ оберъ-прокурорской инструкціи, особенно въ тѣхъ ея пунктахъ, гдѣ она затрогивала очень важный вопросъ объ отношеніяхъ къ верховной власти представителей двухъ противоположныхъ началъ въ церковномъ управленіи. Предоставляя оберъ-прокурору право дѣлать непосредственно самому государю ежемѣсячные или еженедѣльные доклады по дѣламъ св. Синода [1]), инструкція имѣла въ виду только одни исключительные случаи, а не нормальную дѣятельность коллегіальнаго учрежденія. Она предусматривала возможность нарушенія синодальными членами дѣйствительныхъ требованій закона и вѣроятные факты неподчиненія указаніямъ прокурорскаго надзора [2]), допускала также необходимость внесенія различныхъ дополненій и поправокъ въ дѣйствующее законодательство по предложеніямъ оберъ-прокурора [3]); въ такихъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ верховная власть уполномочивала своего представителя обращаться къ ней за помощью и содѣйствіемъ, чтобы доставить ему фактическую возможность, опираясь непосредственно на Высочайшую волю, оказывать должное вліяніе на членовъ Синода. Но обычный порядокъ сношеній съ верховной властью высшаго коллегіальнаго учрежденія и его оберъ-прокурора, вызывавшійся нормальнымъ положеніемъ дѣлъ въ синодальномъ вѣдомствѣ, не былъ регламентированъ правительствомъ ни въ Духовномъ Регламентѣ, ни въ оберъ-прокурорской инструкціи.

---

[1]) П. С. З. т. VI, № 4,036, п. 2.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, п. 10.

Отсутствіе точной правительственной регламентаціи въ такомъ важномъ вопросѣ обусловливало собою возможность непосредственныхъ сношеній съ верховной властью самихъ членовъ высшаго органа церковнаго управленія, что, безъ сомнѣнія, должно было сильно парализовать вліяніе оберъ-прокурора на коллегіальное учрежденіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дѣлать совершенно фиктивными всѣ его обширныя права и полномочія. На основаніи архивныхъ матеріаловъ не трудно убѣдиться, что, и съ учрежденіемъ института прокуратуры, разнообразныя постановленія Синода, требовавшія Высочайшей санкціи, или же вызывавшіяся какими-либо обстоятельствами прошенія его членовъ, нуждавшихся въ рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ верховной властью, подавались на разсмотрѣніе государя, безъ всякаго посредства оберъ-прокурора, самимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ или отдѣльными, наиболѣе вліятельными его членами.

Когда Болтинъ заявилъ свой протестъ по поводу полученія синодальнымъ персоналомъ полнаго жалованья за весь 1721 годъ и потребовалъ возвращенія незаконно присвоенныхъ излишнихъ денежныхъ суммъ, то Синодъ, признавъ несправедливымъ требованіе оберъ-прокурора, постановилъ представить на разсмотрѣніе верховной власти подробное и основательно мотивированное объясненіе своего прежняго опредѣленія о выдачѣ жалованья [1]). И не одинъ разъ приходилось обращаться св. Синоду непосредственно къ самому государю по такому сложному и запутанному вопросу, какимъ былъ въ первое время вопросъ о жалованьи членамъ коллегіальнаго церковнаго учрежденія. Считая несправедливымъ правительственное распоряженіе объ обязательномъ включеніи въ общую сумму казеннаго вознагражденія частныхъ доходовъ, получаемыхъ синодальными членами изъ епархій и монастырей, Синодъ подавалъ

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода т. I, № 151.

на Высочайшее имя прошеніе объ измѣненіи непріятнаго для него постановленія [1]). — 24 мая 1724 года онъ вновь обратился къ государю съ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о прекращеніи установленнаго вычета изъ жалованья своимъ членамъ; указывая на накопившіяся недоимки за духовнымъ вѣдомствомъ, какъ на единственную причину, вызвавшую правительственное распоряженіе объ удержаніи жалованья коллегіальному органу церковнаго управленія, и утверждая, что онъ имѣетъ полную возможность оправдать себя въ глазахъ государя, Синодъ просилъ Петра, по случаю коронаціи императрицы, перемѣнить свой гнѣвъ на милость и и издать указъ о возстановленіи старыхъ порядковъ въ полученіи вознагражденія [2]).—Удовлетворенная верховною властью, просьба св. Синода вызвала вопросъ о спеціальныхъ средствахъ, необходимыхъ для выдачи полнаго жалованья, и мы видимъ, что съ докладомъ по данному вопросу являлся къ государю одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ [3]).

Непосредственно обращаясь къ государю съ своими постановленіями, доношеніями и прошеніями, требовавшими Высочайшаго разсмотрѣнія, высшее коллегіальное учрежденіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обходилось безъ всякаго посредничества оффиціальнаго представителя государственной власти въ церковномъ управленіи и при полученіи именныхъ императорскихъ указовъ. Архивные документы сообщаютъ намъ только объ одномъ фактѣ, когда Болтинъ имѣлъ возможность поставить себя въ положеніе посредника между верховною властью и коллегіальнымъ учрежденіемъ при

---

[1]) Тамъ же, стр. 137.

[2]) Полное Собраніе Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп. т. IV, № 1,267.

[3]) Тамъ же, № 1,280.

полученіи послѣднимъ Высочайшихъ указовъ [1]). 5 февраля 1723 года Синодъ выслушалъ приказаніе государя арестовать одного изъ своихъ членовъ, ассессора Варлаама Овсянникова, и на другой день постановилъ содержать его подъ арестомъ въ своей канцеляріи, о чемъ, въ формѣ всеподданнѣйшаго доношенія, и довелъ до свѣдѣнія Петра. Но въ скоромъ времени, подъ вліяніемъ жалобъ и просьбъ арестованнаго, уже переведеннаго изъ синодальной канцеляріи въ другое помѣщеніе, гдѣ съ нимъ обращались очень строго и сурово, Синодъ горячо вступился за своего бывшаго ассессора, рѣшительно заявивъ, что не признаетъ никакой вины за пострадавшимъ Овсянниковымъ, такъ какъ безусловно убѣжденъ въ лживости всѣхъ показаній доносчика на оклеветаннаго Варлаама. Заступничество коллегіальнаго учрежденія за своего бывшаго члена не оказало, однако же, должнаго вліянія на отношенія верховной власти къ обвиняемому ассессору; въ ея глазахъ онъ по-прежнему оставался виновнымъ и заслуживающимъ примѣрнаго наказанія, заступничество же Синода могло только возбудить подозрѣнія въ отсутствіи безпристрастнаго отношенія высшаго органа церковнаго управленія къ своимъ собственнымъ служащимъ. Существованіе послѣдняго условія дѣлало совершенно умѣстнымъ и даже необходимымъ ближайшее участіе оберъ-прокурора, какъ представителя и охранителя интересовъ верховной власти, въ синодальномъ рѣшеніи вопроса о дальнѣйшей участи подсудимаго Варлаама, и 11 декабря 1723 года Петръ предоставилъ уже Болтину объявить св. Синоду Высочайшій указъ о лишеніи священства и монашества игумена Овсянникова.

Обычный же, нормальный порядокъ полученія коллегіальнымъ учрежденіемъ Высочайшихъ указовъ не нуждался ни въ какомъ посредничествѣ существовав-

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ арх. св. Синода. т. III, № 125, стр. 156.

шаго въ немъ представителя верховной власти, такъ какъ Петръ обыкновенно поручалъ объявлять свои указы въ св. Синодѣ кому-либо изъ его же членовъ: или Ѳеодосію Яновскому [1]), или Ѳеофану Прокоповичу [2]), или тому и другому вмѣстѣ [3]), или же, наконецъ, одному изъ нихъ съ какимъ-либо другимъ синодальнымъ членомъ [4]). Едва ли слѣдуетъ доказывать, что фактическое отстраненіе оберъ-прокурора отъ всякой активной роли въ сношеніяхъ коллегіальнаго учрежденія съ верховной властью и особенная близость къ государю нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ, часто имѣвшихъ возможность получать непосредственно отъ него самого разнообразные Высочайшіе указы, должны были во многихъ случаяхъ сводить къ нулю все дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти на высшій органъ церковнаго управленія.

Непосредственныя сношенія Синода съ государемъ, во многихъ случаяхъ лишая оберъ-прокурора самой возможности оказывать какое бы то ни было вліяніе на коллегіальное учрежденіе, не могли не отражаться крайне неблагопріятнымъ образомъ и на практическихъ результатахъ тѣхъ протестовъ прокуратуры противъ различныхъ синодальныхъ постановленій, которые, повидимому, давали представителю личнаго начала въ коллегіальномъ управленіи довольно важное и могущественное средство для развитія сильнаго вліянія на св. Синодъ. Нужно имѣть въ виду, что первый синодальный оберъ-прокуроръ Волтинъ былъ только простымъ драгунскимъ полковникомъ [5]) и, самъ по себѣ, являлся очень незначительной и маловліятельной

---

[1]) Тамъ же, т. III, №№ 76, 155, 374, 449, 457, 458, 521, 523, 535, 541 и др.

[2]) Тамъ же, т. IV, №№ 208, 288, 546.

[3]) Тамъ же, т. III, №№ 60, 61, 62, 469; т. IV, № 188.

[4]) Тамъ же, т. III, №№ 180, 434; т. IV, № 68.

[5]) Тамъ же, т. II, часть II, №№ 887 и 1,031.

личностью, такъ какъ не пользовался никакой особенной близостью къ источнику своихъ полномочій. Неудивительно, что, при наличности подобныхъ неблагопріятныхъ условій, оберъ-прокурорскіе протесты, такъ или иначе затрогивавшіе интересы коллегіальнаго учрежденія, нерѣдко должны были испытывать печальную участь, и св. Синодъ, пользуясь правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховной властью и отсутствіемъ сильной фактической, дѣйствительной поддержки у Болтина со стороны государя, легко могъ оправдывать свои постановленія, вызывавшія протесты прокуратуры, и такимъ образомъ парализовать оберъ-прокурорское вліяніе на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи. Намъ уже извѣстно, какими практическими результатами сопровождались протесты Болтина по поводу полученія синодальными членами полнаго жалованья за 1721 годъ и по случаю незаконной выдачи казенныхъ денегъ Ѳеофану Прокоповичу; возможность непосредственнаго обращенія высшаго органа церковнаго управленія къ самому государю и фактическое безсиліе оберъ-прокурора, обусловливавшееся отсутствіемъ необходимой въ столкновеніяхъ съ коллегіальнымъ учрежденіемъ прочной и постоянной поддержки со стороны верховной власти, позволяли Синоду не придавать большаго значенія протестамъ Болтина и не исполнять его требованій.

Повидимому, съ констатируемымъ нами фактическимъ безсиліемъ оберъ-прокурора, обусловливавшимся отсутствіемъ у Болтина надежной и могущественной поддержки со стороны верховной власти, довольно плохо мирится та настойчивость, какую имѣлъ возможность проявить оберъ-прокуроръ въ своихъ требованіяхъ немедленнаго взысканія долга съ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ синодальныхъ членовъ, Ѳеофана Прокоповича [1]). Конечно, было бы трудно до-

[1]) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Изд. Академіи Наукъ, стр. 145.

пустить, чтобы представитель прокуратуры, лишенный всякой фактической поддержки со стороны государя, могъ такъ настойчиво и энергично требовать отъ коллегіальнаго учрежденія немедленнаго исполненія своего предложенія о взысканіи казенныхъ денегъ съ архіепископа Ѳеофана, аккуратно возобновляя непріятныя для Синода требованія чрезъ опредѣленный срокъ; не слѣдуетъ забывать, что должникъ, котораго такъ упорно преслѣдовалъ Болтинъ своими оберъ-прокурорскими предложеніями, былъ лицомъ очень вліятельнымъ и пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ государя, почему невольно и является предположеніе, что оберъ-прокуроръ, въ своихъ столкновеніяхъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, также долженъ былъ опираться на сильное содѣйствіе и покровительство верховной власти или, по крайней мѣрѣ, имѣть достаточныя основанія разсчитывать на возможность такого содѣйствія. Но недоразумѣнія, невольно возникающія при мысли о чрезвычайной настойчивости, проявленной оберъ-прокуроромъ въ дѣлѣ взысканія долга съ наиболѣе вліятельнаго синодальнаго члена, легко разъясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ данномъ случаѣ, Болтинъ дѣйствовалъ не одинъ, а въ союзѣ съ другимъ, не менѣе сильнымъ членомъ Синода, Ѳеодосіемъ Яновскимъ, находившимся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Ѳеофаномъ.

Насколько, дѣйствительно, самъ по себѣ, былъ невліятеленъ и безсиленъ синодальный представитель верховной власти, юридически надѣленный обширными правами и полномочіями, но фактически лишенный возможности пользоваться ими, вслѣдствіе отсутствія необходимой близости къ источнику своихъ полномочій, всего яснѣе доказывается печальными результатами столкновенія Болтина съ вице-президентомъ Синода, архіепископомъ Ѳеофаномъ.

По распоряженію Ѳеодосія Яновскаго и Болтина, желавшихъ подвести Ѳеофана Прокоповича подъ какую-либо отвѣтственность и такимъ путемъ ослабить

его вліяніе или даже совершенно отстранить соперника Яновскаго отъ участія въ церковномъ управленіи, псковскій провинціалъ-инквизиторъ, іеромонахъ Савватій, произвелъ ревизію мѣстнаго печерскаго монастыря и въ началѣ 1725 года сдѣлалъ доносъ оберъ-прокурору о найденныхъ при ревизіи безпорядкахъ. Болтинъ воспользовался присланнымъ доносомъ и формально возбудилъ въ Синодѣ дѣло о злоупотребленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ епархіи псковскаго архіепископа Ѳеофана. Но со смертью Петра и съ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины I, положеніе Ѳеодосія, успѣвшаго своей притязательностью и заносчивостью возстановить противъ себя очень многихъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, сдѣлалось въ высшей степени непрочнымъ и ненадежнымъ, положеніе же Ѳеофана, оказавшаго громадную услугу новой императрицѣ, напротивъ, упрочилось еще болѣе прежняго; неудивительно, что и столкновеніе оберъ-прокурора съ вліятельнымъ членомъ Синода повело за собою крайне неблагопріятныя послѣдствія для представителя государственныхъ интересовъ въ коллегіальномъ церковномъ управленіи. Ѳеофанъ съумѣлъ поставить дѣло такимъ образомъ, что Синодъ поручилъ ему самому изслѣдованіе доноса, представленнаго Болтину провинціалъ-инквизиторомъ Савватіемъ; безъ сомнѣнія, уже такая постановка дѣла, явившаяся результатомъ безсилія оберъ-прокурора, должна была въ значительной степени уменьшить опасность, угрожавшую Прокоповичу, но одна она, при существованіи въ Синодѣ такихъ враговъ, какъ Ѳеодосій и его сторонникъ, Болтинъ, оказалась еще не въ состояніи гарантировать псковскаго архіепископа отъ всевозможныхъ непріятныхъ случайностей начавшагося судебнаго слѣдствія.

Крайняя безтактность Ѳеодосія Яновскаго [1]) доставила Ѳеофану легкій и удобный случай совершенно

---

[1]) Русскій Архивъ. 1864 г. № 2. „Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія“; стр. 121—172.

освободиться отъ своихъ опасныхъ враговъ, и 22 апрѣля 1725 года Ѳеофанъ Прокоповичъ, отъ имени синодальныхъ членовъ, донесъ Екатеринѣ о непозволительныхъ поступкахъ Ѳеодосія. Екатерина, имѣвшая уже достаточно основаній быть сильно недовольной Яновскимъ, 27 апрѣля приказала арестовать обвиняемаго архіепископа, а такъ какъ оберъ-прокурорская инструкція вмѣняла представителю прокурорскаго надзора въ непремѣнную обязанность доносить верховной власти о всѣхъ незаконныхъ поступкахъ синодальныхъ членовъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, наказаніемъ самому оберъ-прокурору, то вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, по распоряженію государыни, былъ взятъ въ крѣпость и его сторонникъ, Болтинъ [1]). Привлеченный къ допросу, бывшій синодальный оберъ-прокуроръ долженъ былъ тяжело поплатиться за свое столкновеніе съ сильнымъ и вліятельнымъ членомъ высшаго коллегіальнаго учрежденія. Одновременно съ обнародованіемъ Высочайшаго указа о наказаніи осужденнаго Ѳеодосія, — указа, составленнаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [2]) и подписаннаго Екатериной 11 мая 172[illegible] года [3]), состоялось и рѣшеніе участи Ивана Васильевича Болтина; обвиненный въ упущеніяхъ по своей должности, выразившихся въ томъ, что онъ не доносилъ о предосудительныхъ и незаконныхъ поступкахъ Яновскаго, и уличенный въ пристрастномъ отношеніи къ Ѳеодосію, обнаруженномъ на допросахъ, бывшій оберъ-прокуроръ оказался приговореннымъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ правомъ полученія какого-либо служебнаго назначенія. Но въ скоромъ же времени враги Болтина успѣли открыть въ его прошлой оберъ-прокурорской дѣятельности еще новыя упущенія, и первый представитель государства въ высшемъ колле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 149.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей... Ч. V, стр. 386.

[3]) П. С. З. т. VII, № 4,717.

гіальномъ церковномъ учрежденіи былъ лишенъ всякихъ правъ на занятіе какихъ бы то ни было правительственныхъ должностей [1]). Чрезъ два года правительство признало, однако же, Болтина заслуживающимъ прощенія и назначило его на должность вице-губернатора Сибири [2]).

Θ. Благовидовъ.

(Продолженіе въ январьской книжкѣ журнала «Православный Собесѣдникъ» за 1898 годъ).

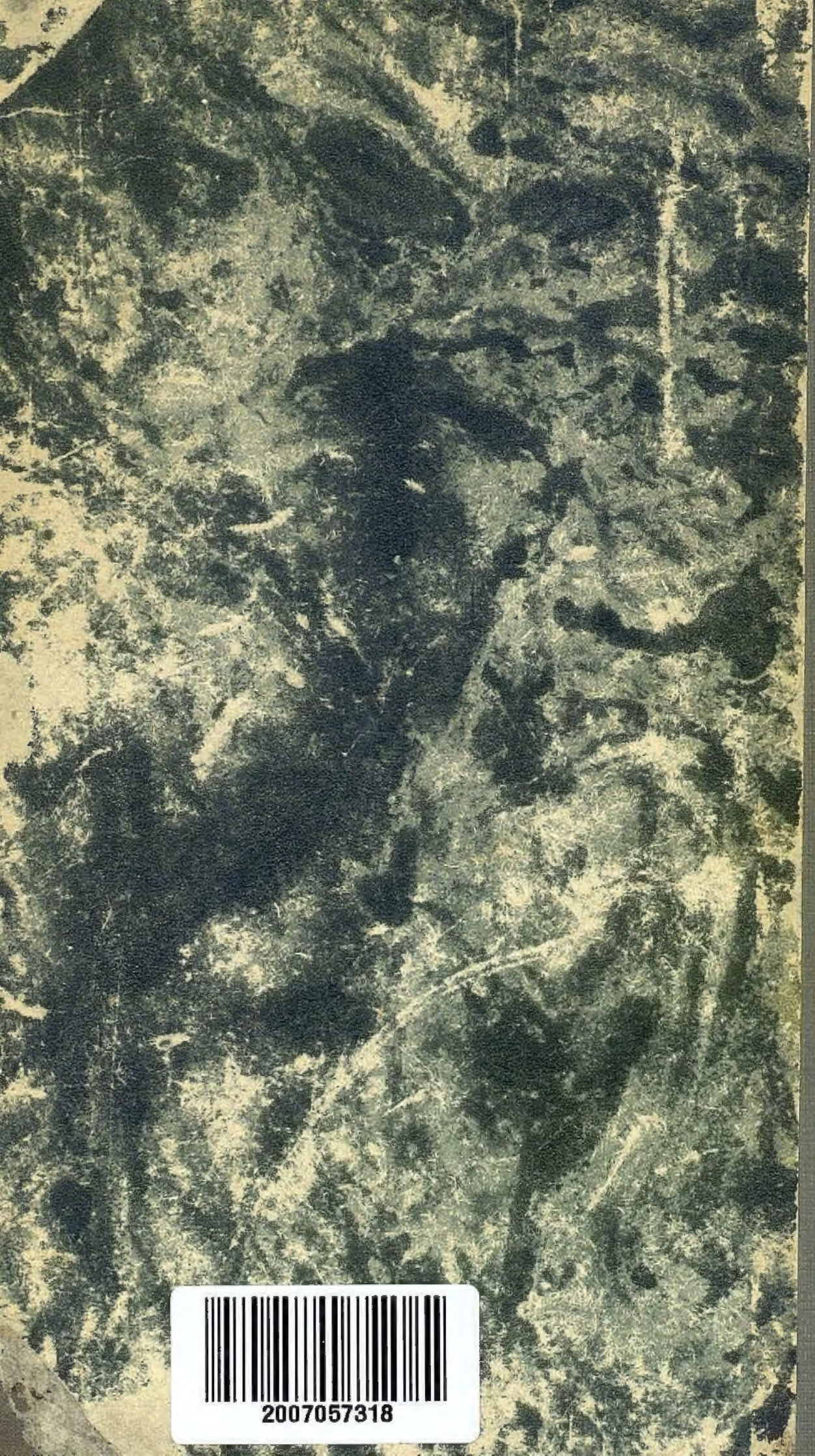
Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Правосл. Собесѣдникъ" за 1898 годъ.

Казань. Въ Типографіи Университета. 1898 г.

---

[1]) Въ исторической литературѣ краткія свѣдѣнія о судьбѣ осужденнаго оберъ-прокурора встрѣчаются у Соловьева. (Исторія Россіи. Т. XVIII, стр. 326).

[2]) Сборникъ имп. р. ист. общ. т. 63-й, стр. 188, 480 и 508.



2007057318